

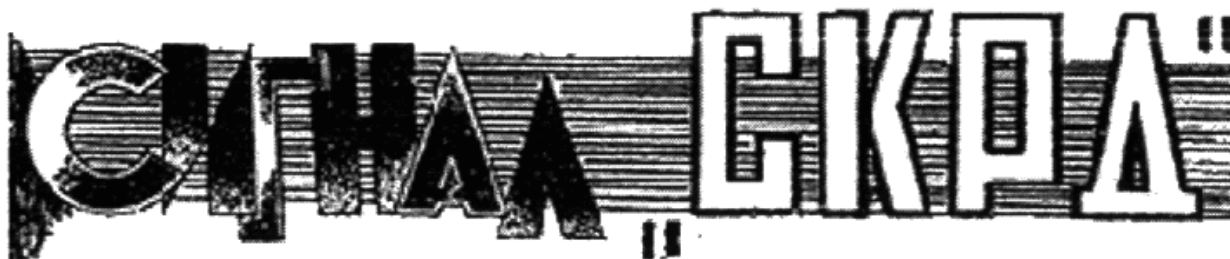
Генрих Саулович Альтшуллер, Вячеслав Петрович Фелицын

Сигнал «СКРД».

Фантастическая повесть

Рисунки А. Берковского

«Сигнал «СКРД»»: Газета «На страже» 23–30 мая, 1–20 июня; Баку; 1957

В нашей газете печаталась повесть Г. Альтшуллера и В. Фелицына «Тайна двойного удара». Сегодня мы начинаем печатать новую повесть этих же авторов. В ней читатель встретит уже знакомых героев — Аркадия Славинского, Георгия Строева и других.

Глава 1

На окраине далекого заморского города за высокой каменной оградой стоит несколько зданий. Над оградой — проволока, по которой проходит ток высокого напряжения. У ворот — часовые. На четыреста шагов от ограды — голое, залитое асфальтом пространство. Надписи на столбиках предупреждают: «Военная зона. Вход воспрещен». По ночам на угловых площадках ограды вспыхивают рефлекторы. До утра, ни на минуту не останавливаясь, они шарят по тусклому зеркалу асфальта.

Официально то, что находится за оградой, носит скромное название военного склада номер четыреста семьдесят два. И только четыре человека в военном департаменте знают, что склад этот — разведывательный центр Уолтера Торна, бывшего профессора Нордхоффского университета.

Чтобы пройти за высокую ограду, нужен пропуск. Но это еще не все. «Склад номер четыреста семьдесят два» разделен на семь концентрических зон, «семь кругов ада» — так, с мрачной иронией, называют их здесь. Если на пропуске красная полоска, вход разрешен только в первую зону. Оранжевая полоса открывает доступ во вторую зону, желтая — в третью... Пропуск с фиолетовой полосой дает право свободного передвижения по всей территории, но такие пропуска есть только у пяти ближайших помощников Торна и нескольких сотрудников, проживающих на территории «склада».

Самого Уолтера Торна редко видят в шести внешних зонах. Его резиденция — седьмая зона. Здесь за каменным забором — сад с кустами чайных роз, облицованный голубым мрамором бассейн и изящный двухэтажный коттедж. Почти весь первый этаж занят радиоцентром. Именно поэтому позади коттеджа возвышается сто двадцатипятиметровая башня — антенна.

Уолтер Торн живет на втором этаже, в комнатах, обставленных с восточной роскошью. Однако высоких гостей из военного департамента он принимает в своем рабочем кабинете на глубине тридцати метров. Подземный кабинет лучше действует на воображение гостей. Стремительно падающий лифт, узкие, освещенные лампами дневного света, коридоры, бронированные двери-перемычки... Да, это благотворно действует на высоких гостей, от которых зависит финансирование «склада» ...

Впрочем, кабинет Уолтера Торна ничем не напоминает о профессии хозяина. Золотистый афганский ковер покрывает пол. Одна стена скрыта за громадным книжным шкафом. У другой стены — телевизор и

изящный, отделанный перламутровой инкрустацией холодильник с изрядным запасом бутылок, отмеченных марками клико, ирруа и шартреза. Хорошее вино — одна из слабостей хозяина.

На письменном столе — журналы и газеты на семи языках — ими в совершенстве владеет Уолтер Торн — и маленькая, черного дерева, статуэтка Мефистофеля. Последнее — уступка грубоватым вкусам высоких гостей. Сам Уолтер Торн считал бы унижительным сравнивать свои глубокие замыслы с примитивными плутнями доморощенного средневекового черта. Разве то, что скрыто за полированными крышками трех вделанных в стену сейфов могло прийти в голову Мефистофелю!?

Впрочем, если открыть средний шкаф — это умеет, кстати сказать, только сам Торн, — ничего особенного не увидишь. Здесь всего-навсего установлен обыкновенный ключ радиопередатчика. Такими ключами орудуют десятки тысяч радистов и радиолюбителей во всех странах мира. Но этот ключ, особенно если... хотя на нем еще ни разу не работали. И с высокой антенны, стоящей позади коттеджа, срываются пока другие сигналы. Где-то за тридевять земель их принимают тщательно укрытые приемники, и тогда в маленьких южноамериканских республиках происходят военные перевороты, в далеких странах азиатского материка подкупленные имамы призывают к священной войне во имя никогда не существовавших пророков, на площадях старых европейских городов, у зданий коммунистических и рабочих газет рвутся брошенные «неизвестной» рукой бомбы, а с трибун парламентов раздаются погромные речи тех, кто в тайных списках Торна обозначен номерами и кличками...

Но, повторяем, радио ключ в среднем сейфе еще ни разу не работал. Только в доверительных разговорах с высокими гостями Торн изредка упоминает об этом сейфе. И, кстати, гости всегда делаются сговорчивее, а выписанные ими чеки — щедрее.

Сейчас в кабинете никого нет. Деревянный Мефистофель улыбается пустому креслу. Уолтер Торн гуляет по саду. Пятьдесят восемь лет не согнули его плеч. Когда-то Торн был чемпионом регби — это что-нибудь да значит. Юношеской стройности Торна могли бы позавидовать многие молодые люди. А лицо — лицо одно из тех, которое у людей вызывает всегда симпатии. Прямой нос, пушистые черные брови, длинные седые волосы и глаза — подвижные карие глаза южанина. Свободный — спортивного покроя — костюм делает движения Торна легкими, быстрыми, размашистыми. Походка — упруга.

Уолтер Торн гуляет по саду, с наслаждением вдыхая приятный аромат увядающих роз. В руках у него полученная накануне книга. Коричневый переплет, золотом тисненые русские слова: «Труды археологического института...».

* * *

Генерал-лейтенант Гагарин внимательно слушал доклад Славинского и по старой, еще мальчишеской, привычке машинально рисовал домики на листах бумаги. Рисунок выглядел неважно, и только один дом был нарисован тщательно. Это — здание крайкома партии на одной из площадей краевого центра.

Когда-то, в первые годы революции, Гагарин служил в ВЧК. Кстати сказать, именно он однажды и привел к Феликсу Эдмундовичу молодого парнишку Аркадия Славинского. На Перекопском перешейке упал, подкошенный осколком, отец паренька, комиссар Славинский, указавший в свое время балтийскому матросу Роману Гагарину путь в партию. Паренек рвался на фронт, и Гагарин привел его туда, где проходил этот фронт — тайный, невидимый и опасный фронт борьбы с контрреволюцией.

В тридцатом году Гагарин ушел на партийную работу. С той поры он редко появлялся в Москве. Магнитка, новостройки Казахстана, первый рудник Норильска, железнодорожная магистраль в Якутии — во всем этом была частица и его труда. Перед самой войной Гагарин, тогда парторг ЦК, закончил строительство громадного металлургического комбината на Украине. А спустя месяц после начала войны, отправив на Восток все, что было возможно, взорвал опустевшие корпуса гигантской новостройки — районную ТЭЦ.

Подчиняясь категорическому приказу ЦК, Гагарин оставил сформированный им партизанский отряд и уехал на Север. Когда старенький «газик» последний раз проезжал мимо завода, лежавшего в развалинах и воронках, Гагарин покосился на шофера, украдкой смахнул слезу...

На крайнем Севере Гагарин работал с такой ожесточенной яростью, что местные шутники говорили: «У нас три первых секретаря и работают они посменно — один всегда на ногах». Это было не таким уж большим преувеличением. Роман Платонович день и ночь носился по заснеженным дорогам, отправлял геологов по новым и новым маршрутам. Многие эти пути-дороги не были известны в московских институтах. Гагарин их узнавал от местных кочевников-оленоводов, считавших его своим, «северным» человеком.

После войны старые друзья звали его на Украину восстанавливать металлургический гигант. Но Гагарин оставался на Севере. И только в пятьдесят третьем году — опять по приказу партии — он приехал в Москву. Долгий, до поздней ночи, разговор в ЦК — и Гагарин в новеньком, неловко сидящем на нем, кителе пришел в Комитет государственной безопасности.

Уже через неделю начальство убедилось, что он не забыл школу «железного» Феликса. Гагарин принес с собой стиль и методы партийной работы, принципиальность коммуниста, глубокую веру в силу коллектива, умение разобраться в человеке и горячую любовь к людям.

Иногда генерал-лейтенанта Гагарина тянуло «домой» — на Север. И тогда рука — совсем машинально — рисовала трехэтажный дом краевого Комитета...

...Славинский закончил доклад, молча отодвинул папку.

— Неважные дела, Аркадий, — Гагарин скомкал рисунок, повторил, — неважные.

По старой дружбе они называли друг друга на «ты». Славинский ответил не сразу. Он встал, прошелся из угла в угол, остановился напротив стола.

— Если не перехватим инициативу, — быть нам битыми.

Гагарин молчал минуту — две, потом неожиданно спросил:

— Кстати, что слышно от Строева? Такие люди нам сейчас нужны, как воздух.

Славинский при упоминании хорошо знакомой фамилии просиял.

— Собирается в отпуск... Скоро будет здесь...

На Славинского выжидающе глядели добрые, с легкой хитринкой, голубые глаза Гагарина. Славинский понимал: Роман Платонович ожидает предложений. Оба когда-то переняли у Дзержинского эту привычку: сперва узнай мнение подчиненного, потом говори сам. Так воспитываются самостоятельность и инициатива.

— Картина простая и вместе тем грозная, — опять заговорил Славинский, — Радиочентр Торна проводит против нас ряд тщательно подготовленных операций. Одну мы раскрыли. О других мы не знаем почти ничего.

Гагарин вопросительно посмотрел на Славинского.

— Разумеется, кроме того, что Торн особенно тщательно готовит операцию, использует новые изобретения, нацеливает свои удары, преимущественно диверсионного характера, на важнейшие объекты.

— Выходит, кое-что все-таки знаем, — заметил Гагарин. — «Почерк» знаем.

— Да, «почерк» знаем, — согласился Славинский, вынимая портсигар, — Я закурю, Роман Платонович?

— Кури, кури, — махнул рукой Гагарин, — Так что же ты предлагаешь?

— Главное — найти следы Торна, а распутать мы сможем, — медленно, как бы раздумывая, проговорил Славинский, — За что ухватиться?.. В «почерке» Торна есть еще особенность. Его операции разворачиваются постепенно, они рассчитаны на длительный срок, включают несколько стадий. Этим и можно воспользоваться. Нужно пересмотреть наши архивы, скажем, за последние несколько лет и отобрать все не доведенные до конца дела, хоть сколько-нибудь сходные с «почерком» Торна.

— Объем работы представляешь?

— Представляю. Но это важно, нужно.

Гагарин задумался, и рука его машинально начала рисовать домик на чистом листе блокнота.

— Значит, проверяем архивы? — после паузы спросил Славинский.

— Да. И начинать немедленно. Причем, не только наши архивы, нужно и Министерство юстиции потревожить.

— Слушаюсь.

— Постой, брат, постой, — Роман Платонович смотрел на Славинского с веселой усмешкой, — А отпуск? Если мне не изменяет память, месяцев шесть назад ты подавал рапорт, и я собственноручно начертил: «оформить». Где рапорт?

Славинский показал на карман кителя.

— Здесь.

— Эх, и хорошо бы в отпуск, Аркадий, — потянулся Гагарин, расправляя плечи, — Сейчас, считай, самое время с ружьем побродить. На Севере, знаешь, какие песцы водятся? Во! — Роман Платонович широко развел руками.

— А может, чуть меньше?

— Ну, чуть меньше. Не будем спорить. Ты другое скажи. Взять бы нам вдвоем отпуск и завалиться на месячишко ко мне на Север. Побродим, поохотимся, медведя поднимем. Эх, и хорошо!

— Хорошо. Вот закончу с Торном и сразу же поеду.

Роман Платонович поймал взгляд Славинского, и оба весело рассмеялись. Они хорошо знали: не скоро еще придется побродить и поохотиться.

Славинский знал, что нерасследованных дел много, но что их так много — он не ожидал. Генерал работал до глубокой ночи. Глядя на него, допоздна засиживались и все сотрудники. Славинский это заметил и начал уходить сейчас же по окончании рабочего дня, а потом, когда все расходились, возвращался. Но дела все прибывали и прибывали.

Шли дни... В один из вечеров в кабинете Славинского, казалось, было тише, чем обычно. Мягкий свет настольной лампы падал на собеседников, и на стене отражались две неясные тени. Со стороны могло показаться, что генерал Славинский и профессор Ржевский играют в шахматы. Генерал думает, время от времени бросает короткую фразу. Теперь задумывается профессор, и генерал, прищурившись, наблюдает, как рука его собеседника тербит черную бородку. Наконец, профессор отвечает. Снова думает Славинский...

Но на столике, около которого в креслах сидели собеседники, не было шахматной доски. Вместо нее лежала книга. На светло-коричневом переплете четко выделялось оттиснутое золотом название: «Труды археологического института».

Телефонный звонок прервал размышления генерала. Славинский подошел к столу, снял трубку, лицо его расплылось в доброй улыбке, и, хотя было сказано только два слова: «Давайте. Жду», в голосе генерала Ржевский уловил какую-то особенную теплоту.

— Странно получается, Владислав Евгеньевич, — сказал генерал, положив трубку. — Вы археолог, а подходите к этому делу, как следователь. Я следователь, но в статьях Майсурадзе вижу только археологию.

Профессор не успел ответить, в дверь постучали.

— Войдите, — громко сказал генерал.

В кабинет вошли двое. Одного из них, майора Косоурова, профессор уже знал; другого — одетого в штатское, молодого человека лет тридцати, видел впервые. Профессор считал себя наблюдательным человеком, и, хотя генерал обменялся с незнакомцем всего несколькими словами, Ржевский решил, что они, наверное, не виделись давно. Об этом говорило и крепкое рукопожатие, несколько более продолжительное, чем обычно, и та дружеская теплота, которую профессор вновь уловил в голосе генерала.

— Познакомьтесь, Владислав Евгеньевич, — генерал подвел молодого человека к Ржевскому, — Георгий Владимирович Строев, авиаконструктор.

— За эти месяцы вы заметно изменились, Георгий Владимирович, — Славинский несколько мгновений пристально смотрел в лицо Строеву, — кажется, похудели.

Ржевский чуть заметно улыбнулся, погладил бородку: вывод, который он сделал, оказался правильным.

— Я слышал, вам пришлось основательно поработать? — генерал помолчал. — Хорошо. А теперь в отпуск?

— Аркадий Степанович, — улыбнулся Строев, — разрешите, я отвечу на этот вопрос перед уходом. Когда скромного инженера торжественно встречают на вокзале и немедленно доставляют к столь высокому начальству, трудно предрешить дальнейшие события.

— Хитер, ох, хитер, — погрозил пальцем генерал.

— Ваша школа, Аркадий Степанович, — пошутил Строев.

— Тогда будем говорить начистоту, — вздохнул генерал.

Несколько минут в комнате царило молчание. Только сейчас, когда генерал сел и на него упал свет настольной лампы, Строев рассмотрел лицо Славинского. Человек, плохо знающий генерала, пожалуй, не заметил бы ничего: он был, как всегда, подтянут и собран. Но Строеву сразу бросились в глаза те едва заметные признаки, по которым безошибочно угадывается громадное напряжение. И когда Славинский начал говорить, по голосу его — сквозь лекторское спокойствие — Строев особенно остро почувствовал, как велико это напряжение.

— Несколько месяцев назад был пойман с поличным диверсант, — после паузы сказал Славинский, — Вы, Георгий Владимирович, присутствовали на первом допросе и помните, наверное, о чем он рассказывал тогда.

Строев молча кивнул головой.

— В дальнейших показаниях, — продолжал генерал, — этот человек подтвердил все сказанное первоначально и кое-что сообщил дополнительно. В целом, складывается такая картина. Несколько лет назад за океаном был создан особый шпионско-диверсионный центр во главе с профессором Торном. Судя по всему, Торн отвергает обычные, уже известные приемы подрывной работы. Он выдвинул идею так называемого «научного шпионажа». Торн использует новейшие достижения физики и химии, новые засекреченные изобретения. Задержанный диверсант проводил одну из операций, разработанных Торном. Каждая из этих операций совершенно независима, но, судя по первой, есть в них и кое-что общее. Прежде всего, направленность против особо важных объектов. Затем, сочетание шпионажа с диверсией. И, наконец, использование в диверсионных целях новейших — возможно, и неизвестных еще нам — технических средств.

Слушая генерала, Строев думал о той громадной ответственности, которая легла на плечи Славинского. Как и всякий авиаконструктор, Строев в глубине души считал свою работу наиболее ответственной. Он всегда помнил, что от конструктора зависит и жизнь летчика, испытывающего новый самолет, и судьба самолета, который создается усилиями многих людей. И только сейчас Строев подумал, что самолет рассчитывается до мельчайших деталей, но нет и никогда не будет формул, которыми бы мог руководствоваться Славинский. А ведь от его работы зависят спокойствие и жизнь не одного человека, судьба не одной машины.

И будто в подтверждение мыслей Строева, Славинский продолжал:

— Нельзя пассивно ждать новых ударов агентуры Торна. Поймать преступника после того, как преступление совершено, — это не самое трудное. Намного труднее предупредить преступление, остановить его на подготовительной стадии. И это — единственный в данном случае путь. Ряд мероприятий уже проведен нами. Одно из них потребовало большой работы. Мы пересмотрели все нерасследованные за последние годы дела, которые хотя бы в отдаленной степени напоминали «почерк» Торна.

Мельком взглянув на Ржевского, Строев не заметил на лице профессора ничего, кроме спокойного внимания. Для археолога, привыкшего измерять время эпохами и столетиями, несколько лет были небольшим сроком. Но Строеву показалось, что и он ясно представлял, что скрывается за простыми словами «большая работа». Множество извлеченных из архивов дел, запутанных и считавшихся безнадежными, легли на стол генерала. Каждое из этих дел нужно было изучать до тонкостей и только после этого решать: вернуть ли его в архив, или оставить и вновь — с самого начала — приступить к расследованию.

— Мы выбрали три дела, — задумчиво проговорил генерал, — Странные это дела, Георгий Владимирович. Странные, непонятные и нехорошие. И одно особенно загадочное... Владислав Евгеньевич, будьте любезны, расскажите о Серебрякове.

— Пожалуйста, — Ржевский чуть приподнялся и, обращаясь к Строеву, пояснил:

— Однако, предупреждаю, молодой человек, я в этом деле усматриваю, как это говорится, состав преступления. До вашего прихода мы поспорили с Аркадием Степановичем. Он, видите ли, сомневается. А я говорю определенно: преступление. Да-с! Я человек заинтересованный. Леонид Миронович Серебряков — мой учитель, и я ему очень многим обязан. Но для пользы дела буду говорить объективно.

И заметив, как по лицу генерала пробежала улыбка, Ржевский уточнил:

— По возможности объективно.

Рассказ профессора, однако, не отличался объективностью. Упомянув Серебрякова, Ржевский терял нить рассказа. Он с восторгом говорил о научных заслугах своего учителя, полемизировал с каким-то Земцовым, научным противником Серебрякова. Но Строев схватывал главное, и постепенно перед ним вырисовывались обстоятельства этого, действительно загадочного, дела.

Четыре года назад в Аджарию выехала археологическая экспедиция Академии наук. Руководил экспедицией известный археолог доктор исторических наук Леонид Миронович Серебряков. Ржевский в это время работал на Урале, но с Серебряковым поддерживал постоянную переписку.

Экспедиция Серебрякова качала раскопки в развалинах одной из старинных крепостей на побережье Черного моря. Почти год длилась упорная работа. Однажды — это было в воскресный день — молодой практикант-студент обратил внимание Серебрякова на незначительные результаты, которых достигла экспедиция. Серебряков ответил коротко: «Подождите до завтра». Вернувшись в свою палатку, он дописал начатое утром письмо Ржевскому. Письмо заканчивалось словами: «Молодость, молодость! Они торопятся, не хотят ждать. Что ж, до завтра они все-таки подождут».

Оставив письмо на столике, Серебряков вышел из палатки и направился к развалинам крепости. Из лагеря было видно, как он скрылся в проломе крепостной стены. Через полчаса после ухода Серебрякова начался сильный ливень. Все спрятались в палатках. Прояснилось не скоро — часа через три. Двое археологов отправились за Серебряковым. К их удивлению, начальника экспедиции в крепости не оказалось. Тогда вся экспедиция — двадцать человек — занялась розысками Серебрякова. После того, как вновь и вновь были осмотрены все закоулки крепости, решили вызвать милицию. К вечеру приехала оперативная группа. Однако ни милиция, ни проводник со служебно-розыскной собакой не могли обнаружить Серебрякова.

Поиски продолжались всю следующую неделю. Территория поисков с каждым днем увеличивалась. Но все было безрезультатно — никаких следов Серебрякова не удалось отыскать. Через две недели экспедиция вернулась в Москву без своего начальника...

— Заметьте, товарищ Строев, — рассказывал профессор, — развалины крепости находятся почти у самого побережья. Следовательно, на запад дороги нет — там море. На север от крепости тоже далеко не пройдешь: километрах в восьми какое-то большое строительство. Территория здесь ограждена. Ну-с,

остаются юг и восток. Но и это исключено. Лагерь экспедиции находился метрах в трехстах от крепости — как раз в направлении на юго-восток.

— Есть еще два направления, — сказал Строев и, заметив вопросительный взгляд профессора, добавил: — Вверх и вниз.

— Леонид Миронович святой души человек, — Ржевский подумал и покачал головой, — но вознесение на небеса исключается.

— А вниз?

Профессор покачал головой.

— Все подземелья крепости были очень тщательно осмотрены, каждый вершок... Собака, — а говорили, что это знаменитая розыскная собака, — не взяла следов.

— Я добавлю только одно, — сказал генерал, — объект, который тогда строился на север от крепости, очень важный. Уже поэтому всякое непонятное происшествие вблизи такого объекта заслуживает особого внимания.

— Возможно, вполне возможно, — кивнул профессор, — Но это не в моей компетенции. Я археолог. И, если позволите, археологическая версия мне представляется вполне вероятной.

«Археологическая версия» Ржевского состояла в следующем. Участники экспедиции доставили в Москву рукописи и заметки Серебрякова. Президиум Академии наук принял решение опубликовать их. Все материалы были переданы для редактирования кандидату исторических наук Майсурадзе. Через две недели папка с материалами исчезла. Майсурадзе не мог даже точно припомнить, где он оставил папку: в институте или дома.

— А два месяца назад, — Ржевский взглянул на генерала, — Майсурадзе опубликовал ряд статей и, надо сказать, интересных статей, по истории Аджарии. Где гарантия, что он не использовал материалы Серебрякова? А если пропажа папки — только инсценировка Майсурадзе, то почему бы не допустить, что исчезновение Леонида Мироновича тоже может быть связано с Майсурадзе?

— Он был в то время в Москве, — заметил молчавший до этого майор Косоуров.

— Не отрицаю, не отрицаю, — профессор секунду — две помолчал, — Но родные Майсурадзе живут в Батуми, а сей город, как известно, находится в Аджарии.

— Простите, Владислав Евгеньевич, — генерал встал из-за стола и подошел к профессору, — а вы знаете, что за люди, родные Майсурадзе?

— Нет, признаюсь, не интересовался.

— Брат — Герой Социалистического Труда, отец — агроном в совхозе, мать — заслуженная учительница.

— Однако в семье не без урода, — не сдавался профессор, — Потом, у него могли быть там друзья, сподвижники.

— Вы говорили о компетенции, Владислав Евгеньевич, — перебил Славинский, — Археология, действительно, не входит в нашу компетенцию. Но умение разбираться в людях обязательно для всех и особенно важно в нашем деле. И еще одно. Наша эмблема — щит и скрещенные мечи. Щит — чтобы защищать невинных, мечи — чтобы наказывать преступников. Поверьте, профессор, Майсурадзе больше нуждается в защите — ему нелегко доказать, что он не использовал материалы Серебрякова. Нужно раскрыть тайну исчезновения вашего учителя. Это решит вопрос и о Майсурадзе.

— Щит и мечи, — повторил Ржевский, — Это вы хорошо сказали, Аркадий Степанович. Древние греки изображали богиню правосудия в виде дамы с завязанными глазами. Насколько же точнее и благороднее ваша эмблема — щит и мечи...

Еще на вокзале, когда Косоуров передал приглашение Славинского, Строев понял: задуманную поездку по Черноморскому побережью придется отложить. Но сейчас, слушая генерала, он почувствовал — поездка все-таки состоится. И хотя с ним не будет Людмилы, но что поделать?! Дела...

— Полгода назад в Аджарию к месту раскопок выехала новая экспедиция, — опять заговорил Славинский, — Руководит ею Владислав Евгеньевич. Конечно, никаких следов Серебрякова экспедиция не встретила. Да на это и не приходится рассчитывать, — со времени его исчезновения прошло три года. Но если известными вариантами — убийство, несчастный случай — нельзя объяснить исчезновение Серебрякова, то остаются варианты неизвестные, может быть, вообще новые для криминалистики. А это еще одно, хотя бы и косвенное, указание на «почерк» Торна.

Генерал подошел к Строеву и положил ему руку на плечо.

— Георгий Владимирович, нам снова нужна ваша помощь. Если мы имеем дело с каким-то новым изобретением — это приходится предполагать, — то и разгадать его должен изобретатель. Владислав Евгеньевич согласен проконсультировать археологическую часть. Ну, а майор будет уполномочен...

— ...Решать вопросы щита и мечей, — закончил Ржевский.

Генерал улыбнулся, согласно кивнул головой.

— Я возвращаюсь в Аджарию через десять дней, — заключил профессор, — Могу я чем-нибудь быть полезен?

— Конечно, конечно, — торопливо ответил Славинский. — Заметки Серебрякова исчезли. Но официальные отчеты экспедиции остались. Нужно самым тщательнейшим образом их изучить. Серебряков дважды — в разговоре со своим сотрудником и в письме к вам — упомянул о том, что в понедельник будет сделано какое-то открытие. Какое? Очень может быть, что Серебряков отправился тогда в крепость именно, в связи с этим. Психологически эта версия вполне возможна. Если бы удалось — хотя бы приблизительно — установить, о каком открытии шла речь, мы знали бы, куда именно в крепости пошел Серебряков.

— М-да, — задумчиво проговорил профессор, — Это нелегко.

— И еще одна просьба, — сказал генерал, — Познакомьте этих молодых людей с археологией. Им будет полезно знать, что мог и что не мог в данных условиях сделать археолог, что должно было его интересовать и что его не интересовало. А через десять дней они выедут вместе с вами... Ну, скажем, в качестве журналистов.

— А вы не опасаетесь, Аркадий Степанович, — хитро спросил профессор, — что эти молодые люди увлекутся археологией и со временем переквалифицируются? Я, например, когда-то мечтал об артистической карьере, но встретился с Леонидом Мироновичем Серебряковым и — увы! — стал археологом.

— Если вам это удастся, Владислав Евгеньевич, я тоже подам в отставку и примусь за учебники археологии...

Глава 2

В Москве Строеву предстояло познакомиться с отцом Людмилы, художником Александром Павловичем Бурцевым. Зимой предполагалась свадьба, и следовало представиться будущему тестю. Смущали Строева два обстоятельства. Во-первых, по рассказам Людмилы, Бурцев был чудаковатым человеком, и найти с ним общий язык было делом нелегким. Во-вторых, у Бурцева следовало появиться с каким-нибудь подарком.

Утром он, не торопясь, обошел десятка два магазинов, подыскивая подарок. Коробку шоколадных конфет? — Бурцев не девушка. Прибор для бритья? — Но старик мог бриться в парикмахерской. В конце концов, Строеву пришла в голову правильная мысль: так, как предугадать, что понравится Бурцеву, невозможно, поэтому подарок лучше всего следует выбрать, чтобы он был связан с его профессией.

В букинистическом магазине Строев обнаружил редкий альбом репродукций с произведений итальянских художников эпохи раннего Возрождения. Старинные, немного наивные, но сделанные с большим художественным вкусом изображения Мадонны, портреты флорентийских граждан, исторические эпизоды — все это должно было понравиться Бурцеву. Во всяком случае, два художника, рассматривавшие альбом, были в восторге. Именно поэтому Строев и обратил на него внимание.

— Скажите, пожалуйста, — обратился Строев к продавцу, — сколько стоит альбом?

Оба художника сейчас же повернулись к Строеву, и один из них, высокий, с длинными порыжевшими усами, удивительно похожий на Дон Кихота, сказал:

— Послушайте, молодой человек, а почему вы думаете, что мы его сами не возьмем? — и, обращаясь к продавцу, спросил: — Сколько стоит альбом?

Продавец назвал цену, и это решило спор: у художников не оказалось с собой такой суммы денег.

— Но мы принесем, — негодовал «Дон Кихот», — Вы отложите альбом, а мы принесем.

— Не имею права, граждане, — разводил руками продавец, — Согласно примечанию к параграфу сорок седьмому инструкции, товар при наличии покупателя отложен быть не может.

Строев унес альбом, сопровождаемый отнюдь не миролюбивыми замечаниями художников.

Вечером Строев поднимался на четвертый этаж с трудом разысканного дома на Таганке.

На медной дощечке витиеватыми буквами выделялось: «Художник А.П. Бурцев». Дверь оказалась приоткрытой, и Строев услышал доносившийся из комнаты голос:

— Известно ли тебе, что ты съел? Ты съел замечательный пейзаж и зеленый оттенок моря.

Строев, собиравшийся уже постучать в дверь, замер. Бурцев, по рассказу Людмилы, был оригиналом, но этого Строев все-таки не ожидал. «Съел замечательный пейзаж» ... Кто съел пейзаж?!

— Это сто сорок девятая твоя проделка за три месяца, — отчитывал кого-то голос, — Море без зеленого оттенка! Оскорбление памяти Айвазовского!

В ответ раздался тихий вой, и Строев безошибочно понял: Бурцев отчитывает провинившегося пса Термоэлектричество. Три месяца назад Людмила, вылетавшая по служебным делам в Москву, отвезла Термо отцу (Строев день и ночь пропадал в конструкторском бюро, и ухаживать за собакой было некому).

Строев постучал, послышались шаги. И дверь открыл... «Дон-Кихот». Сейчас он был в пижаме.

— А-а-а, молодой человек, — пророкотал «Дон-Кихот», увидев оторопевшего Строева, — заговорила совесть, принесли альбом! Ну-ка, заходите, сейчас я вам деньги вынесу.

— Извините, но денег не нужно... Я ведь... — Строев замялся.

— Как это не нужно? Вы опять со мной спорить вздумали?

Выручил Строева Термо. Услышав знакомый голос, пес влетел в переднюю, опрокинув на пути тумбочку с цветочной вазой (это, вероятно, был его сто пятидесятый грех, по подсчетам Бурцева) и бросился с радостным визгом к Строеву.

Старик удивленно поднял глаза на Строева, строго спросил:

— Что это значит, молодой человек?! Может быть, вы и собаку у меня хотите забрать?

Строев вытащил «верительную грамоту» — письмо Людмилы. Да, нелегкое это дело — знакомиться с будущим тестем! Но, в общем, все обошлось благополучно. Выяснив все, — посмеялись. Бурцев вытащил бутылку кахетинского, потом потянул гостя в соседнюю комнату — показывать картины. Расстались за полночь, и Строев обещал по вечерам заходить.

Но за десять дней ему только один раз — уже перед отъездом — удалось побывать у Бурцева. Свободного времени почти не было.

Настроение у Строева было скверное. Раньше он считал себя человеком большой работоспособности. Но после более близкого знакомства с Косоуровым пришлось изменить это мнение. Утром они вместе садились за книги по археологии, но через шесть — семь часов у Строева начинали путаться эпохи, имена, даты. Приходилось откладывать книги. А Косоуров внимательно читал до обеда и, казалось, мог продолжать это занятие бесконечно. После десяти часов непрерывной работы Косоуров спокойно, бодро вставал из-за стола и до вечера успевал еще два часа позаниматься английским языком — он учился на заочных курсах.

Надо сказать, что с первой встречи Косоуров чем-то не понравился Строеву. Раздражали его медлительность, вялость и, как казалось Строеву, нерешительность. Косоуров пришел в армию через год после того, как Строев демобилизовался. Сейчас он имел звание майора, и Строев, глядя на его погоны, с невольным сожалением думал о том, кем стал бы он сам, если бы не ушел из армии.

Вечера они проводили у Ржевского. Профессор расспрашивал о прочитанном за день, объяснял непонятное. Казалось, Ржевский, действительно, задался целью увлечь своих слушателей романтикой археологических поисков. Он рассказывал — и оживали давно отшумевшие эпохи. По обломкам посуды, по-старому, насквозь проржавевшему оружию оказывалось возможным с большой точностью судить об образе жизни, нравах и облике людей, населявших землю тысячи и тысячи лет назад.

Строев с интересом слушал профессора. И все-таки он не особенно верил в то, что археологические знания помогут раскрыть тайну исчезновения Серебрякова. Три года — слишком большой срок. Крепость не раз осматривала старая экспедиция, сейчас там работают археологи Ржевского. Если им, профессиональным археологам, не удалось ничего найти — на что еще могут рассчитывать Строев и Косоуров? Все их знакомство с археологией измеряется десятью днями...

Перед отъездом Строев поделился своими сомнениями с генералом.

— Откровенно говоря, Аркадий Степанович, — сказал он Славинскому, — я не очень верю в возможность успешных поисков там, на месте. Все, что можно перерывать, осмотреть и проверить, — уже сделано. И сейчас, через три года, мы едва ли можем рассчитывать на какую-нибудь находку.

— А как ваше мнение, майор? — спросил генерал Косоурова.

— Серебряков — археолог, — ответил майор, — Исчез он на месте раскопок. Рукописи его — тоже археологические — пропали. Следовательно, кого-то интересовали именно археологические сведения. Здесь, в Москве, мы о них ничего не узнаем. Нужно ехать.

Генерал посмотрел на Строева, и тот увидел, как лукаво прищурились уголки его глаз.

— Согласны ехать, Георгий Владимирович?

Строев пожал плечами.

— Ехать согласен. Но на месте буду искать не следы Серебрякова, а какое-нибудь техническое объяснение его исчезновения.

— Отлично. А вы, майор?

— Считаю необходимым немедленно выехать, — Косоуров на мгновение замялся, потом решительно сказал: — Есть еще одно соображение.

— Какое?

— При изучении истории раскопок этой крепости я обратил внимание на одно странное обстоятельство, связанное с дореволюционной экспедицией графа фон Штромберга.

— Рассказывайте, рассказывайте, Алексей Петрович.

— Штромберг, дилетант в науке, очень богатый человек. В тысяча девятьсот тринадцатом году он организовал археологическую экспедицию. Эта экспедиция работала с перерывами — до тысячи девятьсот двадцатого года. Все это время Штромберг жил в Тбилиси, часто выезжал к месту раскопок. Когда в Грузии установилась Советская власть, Штромберг бежал в Турцию. Но из Тбилиси он направился не прямо к турецкой границе, а заехал в Аджарию, к месту раскопок. Встает вопрос: зачем?

— Нужно было, например, захватить какие-нибудь личные вещи, оставшиеся в лагере на месте раскопок, — предположил Строев.

Косоуров подумал, неуверенно возразил:

— Мало вероятно. Штромберг рисковал самой ценной личной вещью — своей шкурой. Только очень серьезные — и уж, конечно, не научные причины — могли заставить его заехать в Аджарию перед бегством за границу.

— Какое это имеет значение? — перебил Строев, — С той поры прошло сорок лет.

— Правильно, — невозмутимо согласился майор Косоуров, — Но, когда профессор Ржевский рассказывал нам об этой экспедиции, он подчеркнул, что цель ее не имела ничего общего с наукой. Штромберг, по мнению профессора, коллекционер красивых «древностей», искатель кладов.

— Насколько я помню, — сказал Строев, — профессор говорил, что статья самого Штромберга опубликована в журнале «Природа и люди» в июне тысяча девятьсот тринадцатого года.

— Все это мы постараемся выяснить, — Славинский записал что-то в блокнот, — А вы пока выезжайте на место. То, что вы будете вести поиски с разных сторон, — это очень хорошо. Кстати, Георгий Владимирович, если вы больше верите в техническую версию, мне хотелось бы напомнить вам об объекте, который расположен на север от крепости. Там большой важный завод... Впрочем, вы об этом узнаете подробно на месте.

— Но уже прошло много времени. Если бы заводу грозила опасность...

— Правильно, — перебил генерал, — Два года назад строительство закончилось, и завод вступил в строй. И все-таки нельзя забывать, что Торн умеет выжидать.

Строев прошелся по кабинету, остановился напротив генерала, в раздумье согласился:

— Да, это верно! Торн умеет выжидать.

Глава 3

— Итак, Алексей Петрович, я как будто прав. Как и следовало ожидать, мы не обнаружили в крепости никаких следов Серебрякова.

— Пока никаких.

— Что же делать дальше?..

Этот разговор происходил в палатке Ржевского через шесть дней после приезда к месту раскопок. «Журналистов» встретили радушно. Профессор вместе со своим заместителем занялся делами экспедиции, а Строев и Косоуров, перезнакомившись со всеми археологами, должны были отвечать на десятки вопросов — рассказывали о московских новостях, щелкали фотоаппаратами.

Лагерь археологов располагался на холме, в двухстах метрах от развалин старой крепости. Шесть палаток выстроились двумя рядами, а поодаль высился навес с брезентовым верхом — там прятался от частых проливных дождей «Москвич» Ржевского.

«Журналистов» устроили в палатке профессора. С утра вместе со всеми работниками экспедиции они выходили к месту раскопок и внимательно изучали развалины крепости. Вечерами, когда лагерь засыпал, «журналисты» беседовали с профессором. Никаких — даже самых незначительных обстоятельств, связанных с исчезновением Серебрякова, обнаружить не удалось.

— Так что же делать дальше, Алексей Петрович? — повторил Строев, — Может быть, вернуться в Москву и ухватиться за другую нить: выяснить, как пропали рукописи Серебрякова?

— Георгий Владимирович сейчас готов за любую нить ухватиться, — ехидно заметил Ржевский, — только бы спастись от Ниночки Бережновой.

Профессор был недалек от истины.

Ниночка, студентка-практикантка, ни на шаг не отходила от Строева и нисколько не скрывала, что влюблена в него. Она расспрашивала Строева о его «журналистской работе», просила рассказать об известных писателях, словом, доставляла Строеву множество хлопот.

— Вы шутите, профессор, — огорченно сказал Строев, — а у меня коэффициент полезного действия, по меньшей мере, упал втрое. Ведь такая настойчивая девушка...

— Настойчивость для археологов — главное качество, — добродушно засмеялся профессор. — И потом войдите в ее положение. Археолог месяцами, годами не видит города. Сидит вот в такой романтической дыре и копает, копает, копает... наконец, выкопает какую-нибудь мумию трехтысячелетней давности — но ведь мумия в мужья не годится!

— Вот, спасибо за комплимент, — ответил Строев, — Значит, я все-таки лучше мумии.

— А вы ей скажите, что у вас есть невеста — Людочка Бурцева, — посоветовал Косоуров.

Строев безнадежно махнул рукой.

— Говорил. Она спрашивает: «А вы зарегистрированы?» Нет, отвечаю, не зарегистрированы. Она смеется: «Ну, это не считается!».

Общий хохот прервал Строева.

— Ладно, смейтесь, — отмахнулся Строев, сам с трудом сдерживая смех, — а все же давайте решать, что делать.

В палатке наступило долгое молчание. Косоуров достал портсигар, подошел к Ржевскому, удобно устроившемуся в кресле.

— Владислав Юрьевич, завтра экспедиция работает?

— Что вы? — удивился профессор, — Воскресенье — выходной день. Часа через два все погрузятся в автобус и — в Батуми. До понедельника здесь останутся только одни дежурные.

— А можно отпустить и дежурных?

— Пожалуйста, — согласился Ржевский, — они будут очень рады. Хотя я и не предвижу от сей затеи сколько-нибудь ощутимых результатов.

Профессор встал, прошелся по палатке.

— Что вы задумали, Алексей Петрович? — после паузы спросил Строев майора.

— Маленький эксперимент.

И впервые за все время Строев услышал, что Косоуров, обычно очень серьезный, насвистывает песенку — веселую и задорную...

«Маленький эксперимент» Косоурова оказался довольно интересной и даже чуть рискованной затеей. Майор предлагал, чтобы кто-нибудь, взяв портативный передатчик, один прошел по всем подземельям крепости. Двое, оставшиеся в лагере, будут поддерживать связь с ним при помощи ультракоротковолнового приемника. Если на Серебрякова было совершено нападение, не исключено, что такое нападение повторится.

— М-да, — задумчиво погладил бородку Ржевский, выслушав Косоурова, — А что нам это даст? Вместо одного человека придется разыскивать двоих.

— Даст очень многое, — твердо ответил майор, — Конечно, в случае успеха. Постоянно поддерживая связь, мы будем знать, где именно совершено нападение. Кроме того, почему нападение обязательно должно быть успешным? Одно дело неожиданно напасть на безоружного человека, другое дело — на подготовленного и вооруженного.

— Ладно, уговорили. Пойду, — заключил профессор.

— Вы?! — в один голос воскликнули Строев и Косоуров.

— Именно, — Ржевский воинственно выставил бородку, — Насколько мне известно, молодые люди, Леонид Миронович Серебряков был археолог. Да-с! Я тоже смею считать себя археологом. А именно археолог и...

— Простите, Владислав Юрьевич, — решительно возразил Строев, — это невозможно.

— Ни в коем случае, — поддержал Строева майор, — Во-первых, вы не умеете обращаться с передатчиком. Во-вторых, вы не сможете при необходимости оказать сопротивление. В-третьих, ваши знания потребуются в дальнейшем, если исчезновение повторится. В-четвертых...

— Послушайте, молодой человек, сколько еще у вас там аргументов?

— Ровно столько, чтобы не допустить вас в крепость одного, — без улыбки ответил Косоуров.

— Пойду я, — сказал Строев.

— Нет, это тоже невозможно, — возразил майор, — Во-первых, вы едва ли справитесь с нападающими. Во-вторых...

— ...Думаю, что справлюсь великолепно.

— Проверим, — спокойно сказал Косоуров, — Владислав Юрьевич, будьте любезны, отойдите, пожалуйста, в сторону. А вы, Георгий Владимирович, повернитесь ко мне спиной. Сейчас я свалю вас с ног. Если можете — защищайтесь.

Строев пытался вспомнить приемы самбо. Когда-то, работая в контрразведке, он неплохо знал их. Но десять лет — достаточный срок, чтобы забыть даже то, что хорошо знаешь. Оставалось рассчитывать на силу — Строев был крепче и тяжелее майора.

— Попробуйте, — не совсем уверенно согласился Строев.

Косоуров прыгнул совершенно бесшумно. Все остальное произошло в течение какой-то доли секунды. Строев почувствовал, как непреодолимая сила мгновенно отделила его ноги от земли. Он сделал попытку схватить Косоурова и... упал.

— Ну как? — спросил майор.

— Очень красиво, — восторженно заключил Ржевский, стоявший у входа в палатку.

Строев не спеша встал, отряхнул брюки.

— Пожалуй, я тоже смогу.

— Давайте, — согласился Косоуров.

Майор повернулся спиной к Строеву и стоял с видом человека, поглощенного рассматриванием чего-то интересного. Строев подошел почти вплотную. Потом стремительно прыгнул на майора. Косоуров сделал едва заметное, но резкое движение, и этого было достаточно, чтобы руки Строева схватили пустоту...

— Я не хочу перебрасывать вас через голову, — сказал майор, отскочив в сторону, — будет больно.

— Проиграли, Георгий Владимирович, проиграли, — смеялся Ржевский, — Кстати, товарищ Косоуров, скажите, вы всегда подобным образом разрешаете спорные вопросы?

— Нет, Владислав Юрьевич, такие вопросы у нас решаются приказом. Но Георгий Владимирович — человек штатский. Поэтому и приходится иногда действовать только таким образом.

— Да, доказательства убедительные, — профессор повернулся к Строеву, — Признаете свое поражение, Георгий Владимирович?

Строев и сам не мог бы объяснить, почему у него исчезла та легкая неприязнь к Косоурову, которая появилась в начале знакомства. Медлительность, кажущаяся вялость майора больше не раздражали Строева. Не было досады и на то, что Косоуров оказался более ловким. И на вопрос профессора Строев ответил чистосердечно:

— Иначе нельзя.

— Вот и отлично, — живо заключил Ржевский, — А теперь давайте обсудим программу на завтра.

* * *

«Маленький эксперимент» начался в десять утра. Косоуров пошел той же тропинкой, по которой в день своего исчезновения ушел в крепость Серебряков. Ржевский видел, как майор дошел до крепостной стены и скрылся за ее развалинами.

— Все-таки это рискованная затея, — проговорил Ржевский, проводив взглядом майора.

Строев промолчал. Он сидел у портативной ультракоротковолновой рации и ловил каждый звук. Передатчик, который взял с собой Косоуров, был вмонтирован в корпус от фотоаппарата. Это давало возможность пользоваться им, не привлекая внимания.

Ржевский подошел к столу и развернул план крепости. На плане был обозначен маршрут, по которому предстояло пройти майору. Красная линия охватывала место раскопок, затем спиралью сужалась к центру. Здесь сплошная линия переходила в пунктир: осмотрев башни и стены крепости, Косоуров должен был спуститься ниже, в подземелье.

* * *

Из приемника доносилось тихое посвистывание. Сейчас Косоуров шел по первому — самому широкому — кругу. Здесь, на открытом месте, ему вряд ли что угрожало. Строев мельком взглянул на профессора и увидел, как тот нервно тербит бородку.

Время тянулось медленно; казалось, каждая минута вмещает, не шестьдесят, а шестьсот секунд...

— Прошел первый круг!

Эти простые слова, сказанные обычным для Косоурова спокойным тоном, как-то сразу разрядили напряжение. Профессор шумно вздохнул, отметил на плане пройденный участок и закурил папиросу.

Через двадцать минут от Косоурова последовало следующее сообщение.

— Прошел еще круг.

Профессор зачеркнул вторую концентрическую линию. Еще через пятнадцать минут майор передал, что пройден третий круг.

— Поднимаюсь на Северную башню, — донесся по-прежнему спокойный голос Косоурова.

Накануне маршрут разбили на участки и условились, что о переходе на каждый новый участок Косоуров будет сообщать по радио. После первых же сообщений Ржевский заметно успокоился и деловито отмечал на плане пройденные участки. Косоуров побыл на трех уцелевших башнях: Северной, Центральной и Южной. Сейчас он возвращался к Центральной башне, около которой был расположен вход в подземелье крепости.

— Вхожу в подземелье.

На этот раз в голосе майора Ржевский и Строев уловили что-то, заставившее их насторожиться. Профессор взял из портсигара новую папиросу и, ломая спички, начал закуривать. Насвистывание, доносившееся из приемника, стало громче — своды подземелья отражали каждый шорох.

Профессор медленно вел карандашом вдоль пунктирной линии. Он хорошо знал этот путь. Сейчас майор спустился по первой галерее. Мелодия, которую он насвистывал, зазвучала яснее, отчетливей... Профессор догадался, что Косоуров идет узким коридорчиком. Теперь поворот направо и... Насвистывание внезапно прервалось. Почти в то же мгновение приемник донес возглас, шум удара или падения.

— Напали! — воскликнул Ржевский, рванув за плечо Строева.

Но вновь послышался спокойный голос Косоурова:

— Черт побери! На этих ступеньках можно шею сломать...

Профессор вспомнил: в этом месте, сразу же за поворотом, лестница со сбитыми ступеньками. Он ослабил галстук, расстегнул воротник, потом вытер холодный пот, выступивший на лбу.

Косоуров дошел до конца подземелья. Оставался только низкий подземный ход, вырытый одной из старых экспедиций, и теперь наполовину завалившийся. Ход этот — длиной метров в тридцать — имел в плане форму полукруга. Когда майор вступил в подземный ход, Строев, прильнувший к приемнику, услышал тяжелое дыхание.

— Да, здесь не посвистишь, — донесся голос Косоурова, — На четвереньках приходится ползти. Что такое... интересно... ну-ка...

* * *

Радио замолчало. До боли сжав кулаки, профессор смотрел на шкалу настройки. Ему хотелось крикнуть: «Ну, говори же, говори!» Но приемник молчал.

— Георгий Владимирович, нужно бежать в крепость!

Строев отрицательно покачал головой.

— Рано. Мы условились, что в случае прекращения связи пойдем в крепость через пять минут.

Профессор хотел что-то сказать, но сдержался и только махнул рукой.

Строев поглядывал то на часы, то на приемник.

— Пора, Георгий Владимирович!

— Нет, еще три минуты.

Ржевский хотел закурить, но не мог сообразить, куда исчез портсигар. Тогда он начал смотреть на часы.

Секундная стрелка ползла удивительно медленно, казалось, нехотя покинув одно деление, она только после некоторого раздумья переходила на другое.

— Время, товарищ Строев!

Строев повернулся, чтобы ответить, но в этот момент из приемника послышался голос Косоурова:

— Так... Ну, теперь домой.

Профессор налил воды из графина и жадно выпил. Только теперь он увидел, что портсигар лежит на столе, на самом видном месте...

* * *

Косоуров вернулся в палатку с обломком прогнувшейся доски.

— Алексей Петрович, — нетерпеливо спросил Ржевский, едва майор переступил порог, — почему вы замолчали, когда вошли в подземный ход?

Майор удивленно посмотрел на Ржевского.

— Разве связь прервалась? Я все время насвистывал или говорил. Возможно, что-нибудь случилось с передатчиком.

— А это что такое? — спросил Строев, показывая на обломок доски.

— Я нашел ее в подземном ходе, — спокойно ответил Косоуров, — Видимо, когда рыли, ставили деревянные рамы для крепления. Скажите, профессор, вы знаете, когда был прорыт ход?

— Одной из дореволюционных экспедиций. Впервые раскопки здесь были начаты в девяносто третьем году. Вторая экспедиция работала летом девятьсот второго года. Третья — начиная с тринадцатого года.

— А можете вы сказать, сколько лет пролежал в земле этот обломок?

Ржевский внимательно осмотрел доску и после некоторого колебания сказал:

— Лет тридцать — сорок — не больше.

— Значит, подземный ход вырыт последней экспедицией?

— По-видимому, так, — согласился профессор.

— Экспедицией Штромберга? — уточнил Строев.

— Да, — снова подтвердил профессор, — Однако я не понимаю, какое это имеет значение...

— Я осмотрел всю крепость, — осторожно перебил Косоуров, — но в подземном ходе до конца пройти не удалось. Там обвал. Сейчас это единственное место, оставшееся в пределах подозрений. А то, что ход этот вырыт экспедицией Штромберга, только усиливает наши сомнения. Прежде всего, неясно, зачем понадобилось рыть ход?

— Чепуха, — махнул рукой Ржевский, — Штромберг несерьезный человек. Он искал клады, сокровища. Поэтому и рыл землю наугад.

— Тридцать метров наугад? — не то шутя, не то серьезно спросил Косоуров.

— Тридцать, сорок — какая разница? Рыли рабочие, сам Штромберг сидел в палатке. Нет, молодые люди, это несерьезно. Вы забыли, что собака не обнаружила следов Серебрякова в подземелье. Ливень мог смыть их снаружи, а в подземелье — если бы Серебряков туда спускался — следы должны были остаться.

— На Серебрякова могли напасть наверху, — возразил Строев, — а потом унесли его вниз.

— Бездоказательно! — профессор прищурился, ехидно посмотрел на Строева, — Где доказательства? Мы зашли в тупик. Смотрите, как бы не пришлось возвращаться к моей версии...

— Владислав Юрьевич, — осторожно перебил Косоуров, — я вас попрошу завтра, когда вернутся сотрудники, — все-таки начать расчистку этого хода.

Глава 4

Военная карьера Антона Николаевича Гурьянова начиналась блестяще. В конной армии Буденного он, тогда двадцатитрехлетний парень, командовал полком. Но после Гражданской войны Гурьянова

назначили председателем военного трибунала — и на этом его продвижение по служебной лестнице закончилось. Он стал военным юристом, потом экспертом-криминалистом. Постепенно Антон Николаевич потерял боевую выправку, подтянутость, словом, полностью утратил воинский вид. Китель Гурьянов носил наподобие гражданского пиджака, постоянно терял звездочки с погон. Многие офицерские патрули, которых немало было в Москве в военные годы, лично знали Гурьянова. Правда, иногда они просто старались обойти его: не сделать ему замечания было совершенно невозможно, а делать — неловко и бесполезно.

В тысяча девятьсот сорок шестом году подполковник Гурьянов вышел в отставку, но по-прежнему — уже служащим Советской Армии — продолжал работать в качестве эксперта-криминалиста. Антон Николаевич стал типичным кабинетным работником, и никто не сказал бы, что он был когда-то лихим воякой. Только в тиши кабинета, наедине, когда ничто не мешало сосредоточиться, Гурьянов мог работать в полную силу. И это была настоящая сила! Гурьянов не напрасно считался одним из лучших экспертов-криминалистов, а по отдельным специальным вопросам — и самым лучшим. Сотрудники звали его «кудесник», подтрунивали над его рассеянностью, но любили за доброту и отзывчивость, а главное — за умение решать, казалось бы, неразрешимые задачи.

Однако на этот раз задача, поставленная перед Гурьяновым, действительно могла считаться неразрешимой. Дело в том, что по приказу генерала Славинского один из сотрудников побывал в Публичной библиотеке имени Ленина и просмотрел журнал «Природа и люди» за тысяча девятьсот тринадцатый год. В журнале, действительно, была статья Штромберга, но последний лист с окончанием статьи был вырезан. Кому мог понадобиться этот лист? Сотрудник Славинского выписал по учетному листку фамилии и адреса тех, кто за последние десять лет пользовался этим журналом. Получился длинный список в двести сорок четыре фамилии. Тогда Славинский и поставил перед Гурьяновым задачу: определить, когда именно был вырезан лист. Это позволило бы сразу же выделить из громадного списка всего несколько человек и, тем самым, намного ускорить расследование.

Журнал доставили в Комитет государственной безопасности, и «кудесник» принялся за работу.

Славинский не рассчитывал на особый успех, и когда на вторые сутки Гурьянов не появился с докладом, решил, что «кудесник» на этот раз бессилён.

Вечером генералу доставили из Ленинграда другой комплект журнала «Природа и люди» с полностью сохранившейся статьей Штромберга. Славинский прочел окончание, не обнаружил ничего сколько-нибудь интересного, но решил, на всякий случай, показать журнал Гагарину.

* * *

Ночью перечитывали статью Штромберга вдвоем. Когда закончили, Гагарин задумался на мгновение, посетовал:

— Черт его знает, кому понадобилось вырезать?!

Славинский не успел ответить. Адъютант Гагарина доложил, что пришел Гурьянов и хочет видеть генерала. Это было в манере Антона Николаевича: запросто явиться в кабинет заместителя председателя Комитета и, не считаясь ни с чем, сказать: «мне надо». Представления Гурьянова о воинской субординации были весьма неопределенны.

— Проси, — махнул рукой Гагарин.

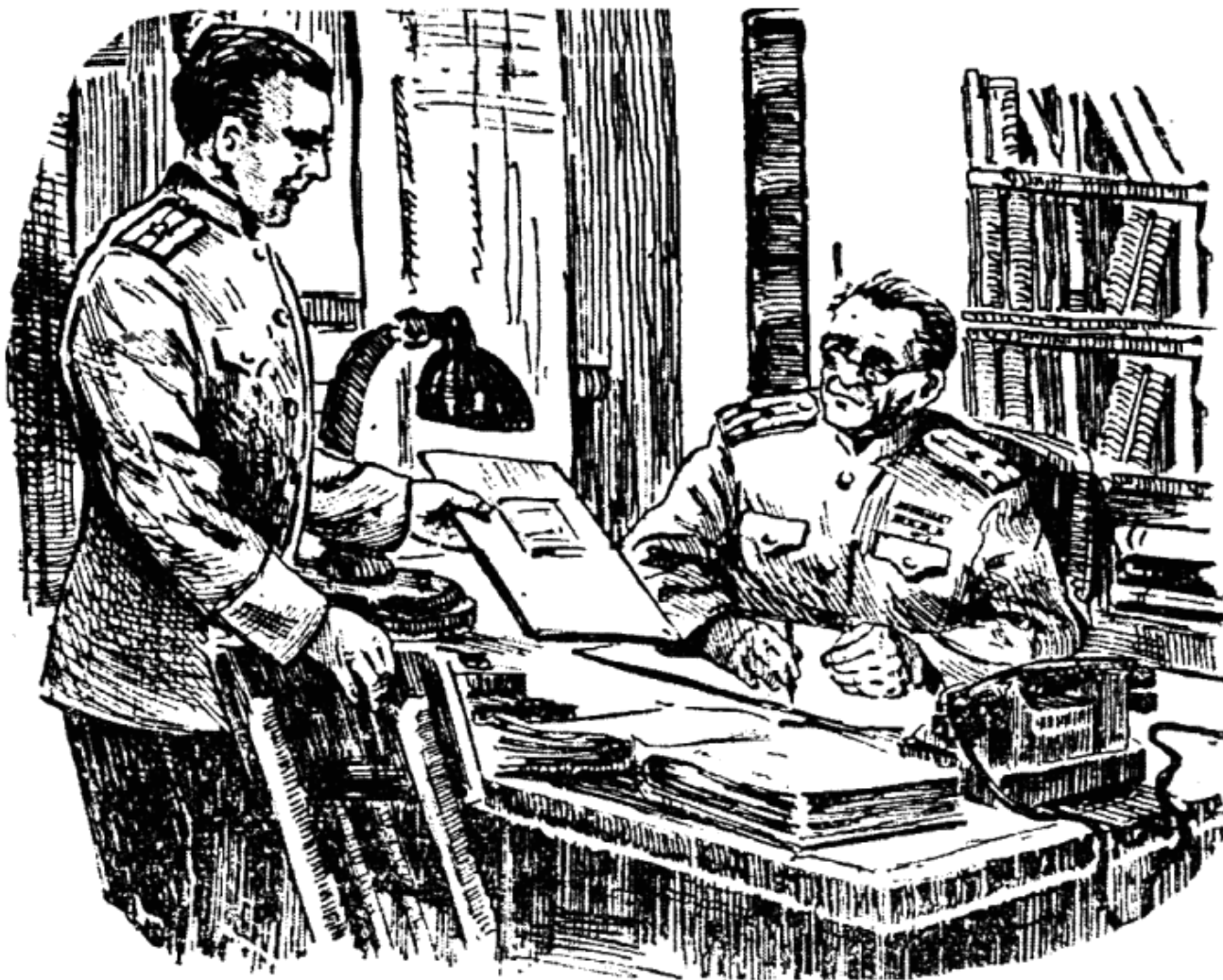
Гурьянов вошел в кабинет, на секунду остановился, щуря близорукие глаза, потом приветливо поздоровался.

— Здравствуйте, Роман Платонович. Здравствуйте, Аркадий Степанович.

Воинских званий для Гурьянова не существовало.

— Что-нибудь есть, Антон Николаевич? — спросил Славинский.

— Да вы присаживайтесь поближе, — показал на кресло Гагарин.

Гурьянов уселся, положил на стол журнал «Природа и люди».

— Решил я эту задачу, — просто, как будто речь шла о чем-то обычном, сказал он, — лист вырезан девятого сентября прошлого года.

Гагарин и Славинский переглянулись.

— А как вам это удалось определить? — с сомнением спросил Гагарин и, не желая обидеть Гурьянова, добавил: — Ведь трудновато было...

— Не трудновато, а хлопотно, — поправил Гурьянов, — Да вот, извольте посмотреть сами.

Гурьянов раскрыл журнал и протянул его генерал-лейтенанту Гагарину. Но как ни всматривались Гагарин и Славинский, они не увидели ничего примечательного.

— Извольте обратить внимание: здесь пятнышко, — показал Гурьянов.

На срезе действительно было небольшое желтое пятнышко.

— Ну, так что же?

— Как это — «что же?» — повторил Гурьянов, явно удивленный такой непонятливостью начальства, — Резали-то лезвием! А новое лезвие всегда смазано маслом. И, заметьте, каждый завод свое масло

использует. Так, что по анализу можно точно сказать, где и кем выпущено лезвие. А это масло совсем особенное. Мне химики анализ делали: таким маслом смазываются польские лезвия «Краков».

— Ну, а дальше? — нетерпеливо спросил Славинский, все еще не улавливая нити размышления Гурьянова.

— Дело в том, что такие лезвия начали выпускать только полтора года назад, — ответил Гурьянов, — а у нас в продаже они появились впервые девятого сентября прошлого года. Я специально справку наводил.

— Но ведь лезвие могло быть привезено из Польши и на полгода раньше, — осторожно заметил Гагарин, — Кроме того, его могли купить раньше, а резать им позже.

— Могли, — согласно кивнул головой Гурьянов, — Но здесь еще одна деталька интересная имеется. Листики тоненькие, резали новым лезвием, а следующий лист даже не оцарапан. Почему? А потому, что тот, кто резал, подложил газетку. Следующие листы-то он этим сберег, а вот улику нам маленькую оставил: краешек газеты нечаянно срезал. Полюбуйтесь, пожалуйста!

Гурьянов достал из кармана коробочку, в которой лежала аккуратно уложенная узенькая полоска какой-то газеты. На кусочке бумаги длиной не более сантиметра виднелось несколько букв.

— Она между страницами запала, — пояснил Гурьянов, — Я извлек, посмотрел, вижу — из «радиопрограммы».

— Но тут же всего несколько печатных знаков сохранилось! — вставил Гагарин.

Гурьянов укоризненно покачал головой.

— Да разве в других газетах такие буквы? Взял я комплект «Радиопрограммы», поискал на сгибах такое сочетание букв и нашел в номере за девятое сентября.

— Но все-таки человек мог использовать давно купленное лезвие и уже старую газету, — осторожно возразил Славинский.

— Газета была совершенно новой, — Гурьянов протянул генералу лупу, — Извольте-ка посмотреть на полоску. Она совершенно не стерта, а ведь на сгибе газета чрезвычайно быстро стирается. И еще одно обстоятельство важно! Числа совпадают: лезвия поступили в продажу девятого и газета за девятое.

— А ведь мы легко можем проверить гипотезу Антона Николаевича! — воскликнул Гагарин, — Аркадий Степанович, у тебя же есть список тех, кто пользовался журналом. Если в этот день журнал брали, значит прав Антон Николаевич.

Гурьянов что-то недовольно пробурчал. Ему не понравилось слово «гипотеза» — он считал, что в своих выводах всегда был абсолютно точен.

Славинский открыл папку и нашел листок со списком. В длинной колонке цифр, ближе к концу, стояло — девятое сентября. А рядом две фамилии: Ваграмов и Хромов.

Гагарин встал, молча пожал руку Антону Николаевичу.

— Начало, кажется, положено: будем продолжать поиски и в этом направлении.

Глава 5

Случилось то, чего Строев ожидал меньше всего. В лагерь археологов приехал Александр Павлович Бурцев. Утром, когда Строев после купанья лежал на берегу, за его спиной вдруг раздался шутиливый голос «Дон-Кихота»:

— Э, вот он где устроился! А я ехал в Тбилиси автобусом, дай, думаю, навещу будущего зятя, посмотрю, как он тут себя ведет...

Строев быстро вскочил на ноги, невольно подумал: «Хорошо, что Ниночка, как обычно, рядом не вертится».

Опережая Бурцева, к Строеву, повизгивая от радости, бежал Термо. Кстати сказать, пес и был главной причиной, заставившей Бурцева отклониться от маршрута. После того, как Строев побывал у Бурцева, Термоэлектричество вдруг заскучал и целыми днями скулил, не давая старику работать. Оставлять его одного в Москве было невозможно, а везти в Тбилиси, где Бурцев намеревался серьезно поработать, не хотелось. Старик рассчитывал «забыть» собаку у Строева и ужасно боялся, чтобы его хитрость не была разоблачена.

Строев тоже чувствовал себя крайне неловко. Как объяснить Бурцеву, почему он находится в лагере в качестве «журналиста»? И когда старик робко намекнул, что не прочь оставить собаку здесь, и сейчас же уехать, Строев обрадовался и вызвался провожать Бурцева до станции.

Ржевский охотно дал свой «Москвич», и через полчаса машина, пофыркивая, карабкалась по холмистой проселочной дороге. За рулем сидел Гаришвили, научный сотрудник экспедиции. Бурцев поглядывал по сторонам и непрерывно задавал вопросы. Деревья почти вплотную подступали к дороге, и их кроны смыкались, образуя нечто вроде зеленого коридора. Для Строева и Бурцева, коренных москвичей, все было ново и интересно. Но Гаришвили не обращал никакого внимания на то, что не имело отношения к истории и археологии. Совсем еще молодой человек, он старался казаться серьезным и вдумчивым. Во всем этом чувствовалось явное подражание Ржевскому.

Дорога вынырнула из зеленого коридора, свернула направо к морю.

— Местная достопримечательность, — лекторским тоном объявил Гаришвили. — Вот на той горке — развалины старинного замка.

— А что, если подняться наверх, — неожиданно предложил Бурцев.

— Если хотите подняться наверх, машину придется оставить здесь, — предупредил Гаришвили.

— А море оттуда видно? — поинтересовался Бурцев.

— Видно, конечно, видно, — скороговоркой ответил археолог, — А самое главное, это место связано с очень красивой легендой. Вам, как художнику, будет интересно.

Бурцев умоляюще посмотрел на Строева.

— Что ж, давайте взберемся, — неохотно заключил Строев.

Когда порядком уставшие, они добрались до вершины, Строев увидел, что от развалин действительно осталась только полуразрушенная и заросшая мхом стена. Но вид, который отсюда открывался, был так великолепен, что усталость как рукой сняло. Море, позолоченное заходящим солнцем, было величественно красивым и казалось нарисованным. Строев и Гаришвили уселись на камень и молча смотрели вниз. Бурцев, обнаружив неожиданное равнодушие к морю, достал этюдник и принялся рисовать развалины замка.

— Чертовски хорошо! — нарушил молчание Строев и протянул археологу портсигар.

Гаришвили ничего не ответил, но по его восхищенному лицу Строев видел, что напускная серьезность исчезла бесследно.

— Вы хотели рассказать нам легенду... — напомнил он археологу.

Гаришвили с трудом отвел взгляд от моря.

— Да, расскажу. Знаете, Георгий Владимирович, это очень старая легенда. Мне много раз приходилось слышать ее. Но лучше всего рассказывал ее Леонид Миронович Серебряков. Я ведь был с ним вместе, в той, последней экспедиции.

Строев отбросил папиросу, приготовился слушать.

— Накануне его исчезновения, — продолжал Гаришвили, — ночью мы сидели у палатки Леонида Мироновича, и он рассказывал...

Было это несколько столетий назад. С юга пришли турки-сельджуки. Они захватили Аджарию, разрушили города, сожгли села. Люди уходили в горы и там умирали от голода, холода и жажды. Только две самые неприступные крепости еще держались. Их обороняли два брата-богатыря. Каждый из братьев имел заколдованные доспехи. Ни меч, ни копье не могли пробить чудесный металл, из которого были сделаны эти доспехи. Много раз турки пытались взять крепость. Но братья отбивали один штурм за другим, и на башнях обеих крепостей гордо развевались их знамена.

Тогда паша, возглавлявший турецкое войско, решил собрать все свои силы под той крепостью, которую оборонял младший брат, и взять ее приступом. Ночью крепость окружило несметное войско, загремели барабаны, и турки пошли на штурм. С крепостной стены лили кипящую смолу, сбрасывали камни, но турки по трупам своих воинов лезли вперед и вперед.

Увидел младший брат, что одолевают враги, взял серебряный рог и затрубил. А турки уже взобрались на стены и теснили защитников крепости. И вдруг, словно из-под земли, появился старший брат-богатырь со своей дружиной. Пять минут прошло, десять — и турки побежали. Не могли они выстоять против силы воинов-богатырей.

Рассвирепел паша, узнав, что старший брат пришел на помощь. Но хитрый визирь посоветовал ему, не теряя времени, обрушиться на оставшуюся без защиты другую крепость. Снова забили барабаны, помчалось неприятельское войско к крепости старшего брата, полезли турки на ее стены. Но внезапно те, кто был впереди, в ужасе отпрянули и, бросая оружие, побежали назад. На крепостной стене в заколдованных доспехах стояли братья-богатыри.

Много лет не могли турки взять эти две крепости. Но постепенно гибли славные защитники, и наступил день, когда братья остались одни. И тогда турки снова пошли на штурм — сразу на обе крепости. Но никто не лил смолу с высоких стен, никто не встретил нападавших.

Три дня и три ночи искали турки братьев-богатырей, обшарили все уголки крепостей, но так никого и не нашли. Тогда они объявили по всей стране, что братья убиты. Однако народ не верил туркам. Старики говорили: настанет час, выйдут из подземелья братья-богатыри и сполна заплатят захватчикам за народное горе...

* * *

...Долго сидели Строев и Бурцев у старой крепостной стены. Трудно было без волнения смотреть на камни, — каждый из которых, умей он говорить, мог рассказать так много интересного. И только случайно глянув на часы, Бурцев ахнул, и все заторопились к машине...

Глава 6

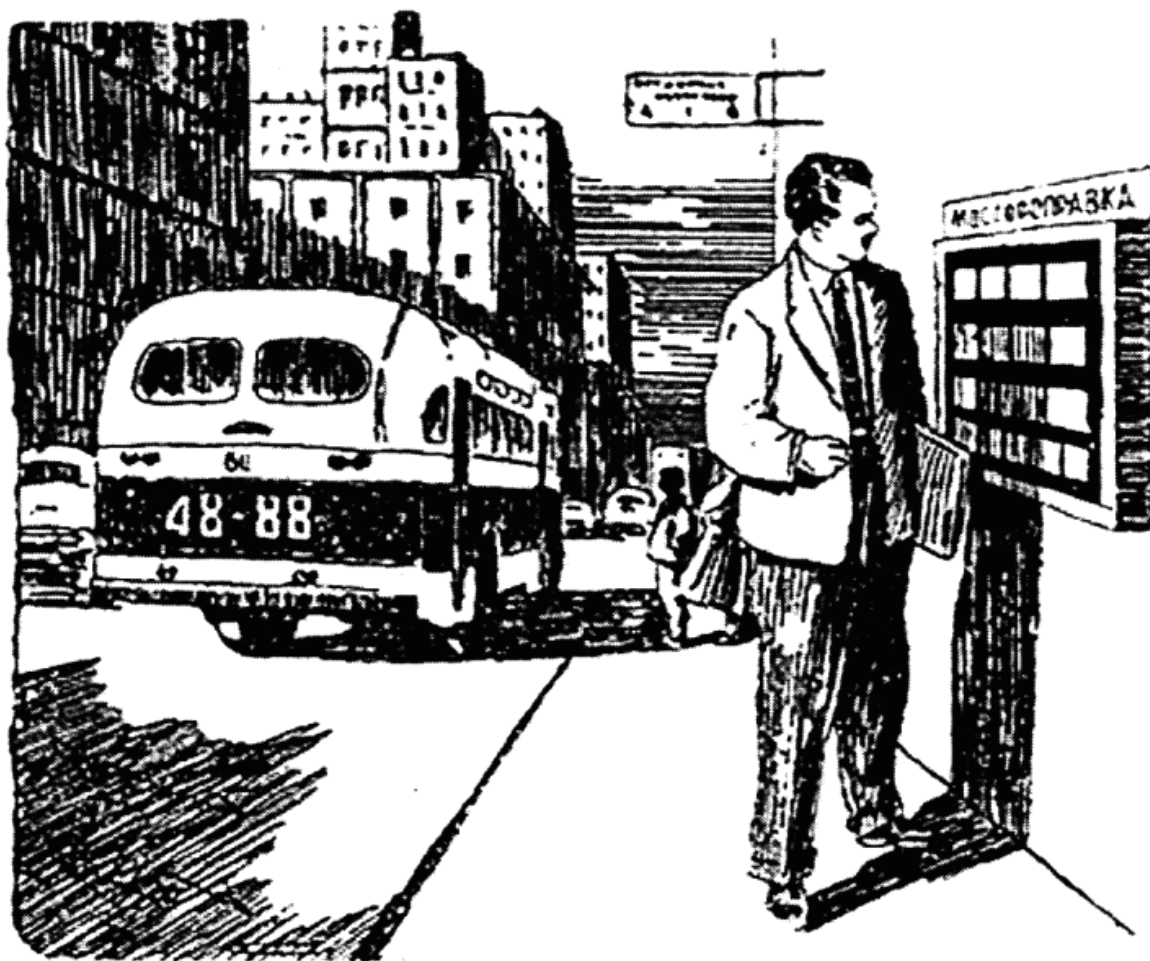
Рабочий день в большом универсальном магазине подходил к концу. Продавец фото отдела Хромов взглянул на часы и, не спеша, начал расстегивать синий халат. Фотолюбители, жившие в этом районе столицы, хорошо знали Илью Макаровича Хромова. Если нужно было посоветоваться, если не ладилось дело с новым увеличителем, если никак не удавалось сделать цветной снимок облаков, — шли к Илье Макаровичу. Знали: Хромов поможет. И он действительно всегда находил время терпеливо объяснить, дать дельный совет, порекомендовать новый состав проявителя. К нему с одинаковым уважением относились и мальчишки, щелкающие что попало дешевой «зеркалкой», и солидные фотокорреспонденты — обладатели шикарных аппаратов «Киев».

Книга жалоб, висевшая в фото отделе универмага, давно уже превратилась в «книгу благодарностей». В самом деле: только за последние два года в ней было сделано почти семьдесят записей с восторженными отзывами покупателей о продавце Хромове. Работники универмага поговаривали: на следующих выборах в местные Советы надо выдвинуть кандидатуру Ильи Макаровича: и торгует он отлично, и покупатели его уважают, и общественник хороший.

После работы Хромов вышел на улицу и, придерживаясь левой стороны, медленно пошел навстречу людскому потоку. Время от времени он перехватывал нежные взгляды молодых женщин. Высокий, лет тридцати пяти с приятным открытым лицом, он невольно привлекал внимание.

Хромов умел хорошо одеваться: отлично сшитый костюм подчеркивал его стройность, ширину плеч.

На углу улицы Герцена Хромов остановился. Здесь он всегда поджидал автобус. Несколько минут Илья Макарович скучающе посматривал по сторонам, потом не спеша подошел к доске объявлений «Мосгорсправки». Десятка четыре объявлений заполняли витрину, тускло освещенную двумя небольшими лампочками.

Взгляд Хромова лениво переходил с одного объявления на другое... «Меняю квартиру...», «Продается фикус...», «Срочно нужно пианино...».

И вдруг лицо Хромова неожиданно изменилось. Исчезла ленивая и благожелательная усмешка, глаза внимательно вчитывались в каждую букву, вновь и вновь пробегали простое, ничем, казалось бы, не примечательное объявление. На стандартном бланке «Мосгорсправки» было напечатано: «Куплю радиоприемник “Минск” выпуска 1955 года, звонить по телефону Б-1-72-33 с шести до восьми вечера».

Уже давно прошел автобус, а Хромов все еще стоял у витрины объявлений. Только сиплый гудок второго автобуса вывел его из состояния задумчивости.

Хромов жил в небольшой квартире одного из новых домов на Калужском шоссе. В свое время Илья Макарович потратил немало усилий, чтобы сделать квартиру уютной. Тахту покрывал большой китайский ковер с изображением сказочного дракона. На тумбочках, изящно задрапированных бархатом, застыли бронзовые статуэтки. На письменном столе красовалась высокая, с фарфоровой подставкой, лампа. Голубой абажур окрашивал комнату в мягкие, приятные для глаза тона.

Но в этот, вечер Хромову было не до уюта, царившего в его квартире. Он даже не вытер ноги о новенький половик в передней. Илья Макарович снял и небрежно бросил пиджак на диван, затем, вытащив из шкафа чемодан, принялся укладывать вещи. Их было немного: костюм, плащ, смена белья, полотенце... Потом, опустив занавески и проверив, закрыта ли дверь, Хромов подошел к бронзовой статуэтке, сильным движением отбил фигурку «девушки» от основания, на котором она стояла. Быстрым движением он вынул оттуда пистолет и три обоймы.

Покупатели не узнали бы сейчас Илью Макаровича Хромова. Лицо его было сосредоточенным, движения — быстрыми. В глазах, вместо обычной доброжелательной готовности, светилась решимость. Впрочем, то, что делал Хромов, меньше всего напоминало бегство. Наоборот, со стороны казалось, человек получил долгожданный отпуск и спешит куда-нибудь в солнечный Крым.

Закончив укладывать чемодан, Хромов открыл средний ящик письменного стола. Среди многих фотопленок, аккуратно уложенных в коробки из-под папирос, Хромов выбрал одну. В ней не было ничего примечательного. Четырнадцать снимков — какой-то человек прогуливается по саду, тот же человек сидит у стола, снова человек возле бассейна. И только один снимок был сделан крупным планом. Стоило внимательно присмотреться, и в глаза бросались: прямой нос, густые брови, длинные белые волосы...

* * *

Днем по дороге на работу Хромов подошел к киоску «Мосгорсправки». Приветливо улыбаясь, он протянул сидевшей за окошком девушке объявление и смятую трехрублевку...

На работу Илья Макарович пришел точно в положенное время. Незадолго до обеденного перерыва он пришел к директору и положил на стол заявление с просьбой о предоставлении отпуска. На вопросительный взгляд директора Хромов доверительно ответил: «Понимаете, жениться задумал, нужно съездить» ... Директор с удовольствием поздравил Илью Макаровича и тут же написал на заявлении: «оформить».

Остаток дня Хромов работал особенно хорошо. Покупатели подолгу задерживались в фото отделе. У такого продавца — любезного, знающего и культурного, хочешь не хочешь, а обязательно что-нибудь купишь...

* * *

На следующее утро в витрине «Мосгорсправки» у автобусной остановки на углу улицы Герцена появилось новое объявление: «Продается радиола "Урал", выпуска 1956 года. Звонить по телефону К-2-58-63». Но человека, давшего это объявление, уже не было в Москве — несколькими часами раньше он вылетел в Тбилиси.

Глава 7

— Спи, Термо, спи! Уже третий час ночи...

Разноцветные — один зеленый, другой карий — глаза собаки смотрели вопросительно на Строева. Пес как бы хотел сказать: «А ты почему не спишь?»

Строев вздохнул и снова принялся за письмо. Две первые страницы «личного характера» были написаны очень быстро: стоило только подумать о Людмиле, и слова приходили сами собой. На этом следовало бы поставить точку. Но Строеву захотелось пересказать услышанную накануне легенду. И вот — третий час ночи, а все получается не так.

Строев с досадой отложил ручку, откинулся на спинку раскладного стула и, закрыв глаза, попытался вспомнить рассказ Гаришвили. «...Только две самые неприступные крепости еще держались» ... Мысли путались, и лишь усилием воли Строев заставил себя сосредоточиться. «...Увидел младший брат, что одолевают враги, взял серебряный рог и затрубил». Внезапно возникла мысль: «А почему — затрубил? Ведь проще, скажем, зажечь огонь...» Строев попытался отогнать навязчивую мысль, но она упорно возвращалась. И возвращалась не одна — появлялись вызванные ею новые мысли.

Пес внимательно следил за взволнованным лицом своего хозяина. Строев встал, направился к выходу из палатки — будить Гаришвили. Но неожиданно передумал, подошел к кровати Ржевского, осторожно дотронулся до плеча профессора.

— Владислав Евгеньевич, проснитесь!

Ржевский привстал, машинально нащупал рукой лежащие на тумбочке очки.

— Что случилось?

— Вы не помните, Владислав Юрьевич, легенду о братьях-богатырях?

Профессор успокоился, глянул на Строева исподлобья слегка насмешливым взглядом.

— Ох, уж эти мне влюбленные! Далась вам эта легенда... Ну, завтра бы дописали письмо. Нужно же разбудить человека среди ночи.

— Это не для письма, профессор, — голос Строева был серьезен, и Ржевский сразу это почувствовал.

Косоуров тоже проснулся, присел на кровати, закурил и теперь прислушивался к разговору.

— Так что же вас интересует, Георгий Владимирович? — переспросил профессор.

— Скажите, Владислав Юрьевич, крепость, около которой мы находимся, это и есть крепость старшего брата-богатыря?

— Видите ли, — профессор на минуту задумался, — в основе легенды, бесспорно, лежит исторический факт, принято считать, что легенда действительно говорит об этой крепости. Леонид Миронович Серебряков, например, полагал, что именно ее и оборонял старший брат. Вторая крепость была на высоте, километрах в четырех отсюда. Но там почти ничего не сохранилось.

— Вам приходилось бывать на этой горке?

— Конечно, и не раз. А что вас заинтересовало?

— Еще один вопрос, Владислав Юрьевич. Есть поблизости отсюда какие-нибудь развалины других крепостей?

— Когда-то были. Но многие из них исчезли бесследно, другие похоронены под новыми постройками.

— Вы можете показать на карте, — нетерпеливо перебил Строев, — расположение этих бывших крепостей?

Строев принес карту, развернул ее и передал профессору.

— Вот, смотрите, — профессор вел карандашом по карте, — Здесь, например, был замок, а сейчас совхозный поселок. Вот в этом месте тоже когда-то были развалины крепости.

— Сейчас там тот самый «объект», о котором упоминал генерал Славинский?

— Правильно, — кивнул головой профессор, — Но почему это вас заинтересовало, Георгий Владимирович?

— Дело в том, товарищи, — Строев говорил теперь тоном совершенно убежденного человека, — что либо легенда неправильна, либо крепость младшего брата-богатыря никогда не была на той высоте.

— Почему? — в один голос спросили Ржевский и Косоуров.

— Если верить легенде, то турки стянули свое войско к крепости младшего брата. А это возможно только в том случае, если вторая крепость достаточно удалена. Иначе дружина старшего брата ударила бы туркам в тыл.

Профессор нерешительно почесал бородку.

— Гм... Соображение само по себе верное. Но, на мой взгляд, очень-очень косвенное. Вы как-то слишком доверчиво подходите к легенде. Нельзя же от нее требовать абсолютной точности.

— Есть еще одно соображение, — вставил Строев, — В легенде младший брат трубит в серебряный рог. Так? Но зачем трубить, если обе крепости на виду друг у друга? Звук рога может быть и не услышан за шумом битвы. Проще было, например, зажечь огонь.

— Это же легенда, Георгий Владимирович, — настойчиво повторял профессор, — Рог придуман для красоты.

— Сомневаюсь. Ведь смысл легенды в том, что между крепостями существовал подземный ход. Так? Теперь представьте себе, что подземный ход действительно есть. Слышимость в нем отличная, и достаточно нескольких воинов, расставленных на определенном удалении друг от друга, чтобы сигнал был передан на значительное расстояние.

Поглаживая бородку, профессор в раздумья смотрел на лампу, прикрытую простеньким абажуром. Строев и Косоуров ожидали его решения.

— Что ж, — сказал, наконец, Ржевский, — есть еще один довод в нашу пользу. Высотка сложена скальными породами. И с тогдашней техникой трудно было бы пробить в них подземный ход. Значит... — профессор подумал минуту-две, — Подождите-ка... Я, кажется, понимаю вашу мысль, Георгий Владимирович! Вторая крепость была там, где теперь завод!

— Да, — подтвердил Строев, — Не в четырех километрах на юг, а в восьми километрах отсюда на север.

— Неужели генерал был прав, связывая исчезновение Серебрякова с этим заводом? — задумчиво проговорил профессор.

— Если легенда верна и подземный ход существует, он ведет к заводу, — уверенно ответил Строев.

— Значит, нужно искать этот ход. Это очень важное звено в цепи нашей работы, — заключил Косоуров.

...В эту ночь в палатке начальника экспедиции свет горел до утра.

— Посмотрите на план крепости, — говорил профессор, — Внешняя стена очень сильно разрушена. Мы еще раз осмотрим ее, но шансы здесь невелики. В центре крепости — цитадель. Это то, что в русских крепостях называют кремлем. Сюда, в случае прорыва врага, уходили защитники крепости. Стена цитадели хорошо сохранилась. Целы и три башни — Южная, Центральная и Северная. У Центральной — известный вам вход в подземелье.

— Здесь и надо искать, прежде всего, — заметил Косоуров.

— Почему? — профессор поднял глаза.

— Алексей Петрович прав, — поддержал Строев, — Вход в подземелье не может быть расположен очень далеко. Он должен быть, так сказать, под рукой, чтобы при необходимости можно было бы без промедления им воспользоваться.

— Пожалуй, вы правы, — согласился профессор, — Мне вспоминаются подземные ходы в новгородских раскопках. Они начались с нижних этажей башен. Добро! Сейчас спать. А часа через полтора встаем — и за работу.

Глава 8

— Цени, Аркадий, дружбу, — шутил Гагарин, — С таким шиком еще никто на аэродром не приезжал. Шофером-то у тебя генерал-лейтенант!

— Это и плохо, — в тон ему, откликнулся Славинский.

Оба громко засмеялись. Водить машину Гагарин научился на Севере. Но одно дело пустынные северные дороги, где можно сто километров проехать и не встретить ни одного перекрестка, другое дело — московские улицы, скрещенные густой сеткой, со сплошной вереницей автомобилей, с толпой пешеходов на тротуарах.

Премудрости правил уличного движения так и остались для Гагарина нераскрытой тайной. И нередко случалось так, что свисток милиционера задерживал не по-городскому стремительный бег коричневого «ЗИМа». Увидев за рулем человека с погонами генерал-лейтенанта, постовые торопели, забывали привычные строгие слова, а Гагарин краснел, терялся еще больше и не знал, что делать. Не просить же, чтобы тебя оштрафовали!

Но сегодня можно было и не опасаться неприятностей. Широкое шоссе, ведущее к Внуковскому аэродрому, в этот ночной час было пустынно, и «ЗИМ» мчался со скоростью добрых девяносто километров.

Три дня назад был решен вопрос о том, кто мог вырезать лист из журнала «Природа и люди». Гурьев установил дату, по списку были определены фамилии двух человек, пользовавшихся журналом в этот день: пенсионера Ваграмова и продавца универсального магазина Хромова.

Просматривая комплект журнала, Славинский встретил под одной из статей фамилию Ваграмова — в то время он был садоводом и писал о разведении декоративных растений. Это объясняло, почему Ваграмов выписал журнал. Под подозрением оставался только Хромов. Когда на стол генерала легла справка об отпусках, взятых Хромовым за последние годы, подозрение усилилось. Судя по справке, за десять дней до исчезновения Серебрякова Хромов уезжал из Москвы в отпуск. Следующий отпуск, совпал по времени с исчезновением рукописей Серебрякова, переданных Майсурадзе.

За Хромовым установили наблюдение, и в первый же день удалось узнать много интересного: странное объявление, сданное в киоск «Мосгорсправки», внезапный отъезд в Тбилиси под вымышленным предлогом. К вечеру были получены новые данные: тщательная проверка показала, что Илья Макарович Хромов, житель Новосибирска, тысяча девятьсот двадцатого года рождения, пропал без вести четыре года назад, отправившись в отпуск на Кавказ. Судя по фотографиям, настоящий Хромов был в общем похож на лже-Хромова — настолько, насколько можно судить по маленьким, неважного качества фотокарточкам на документах. И все-таки, разница, заметная специалистам, существовала. Она и изобличала лже-Хромова.

Его поездка в Тбилиси могла иметь прямую связь с «делом Серебрякова». Именно поэтому Славинский и решил вылететь в Тбилиси.

— Пока у нас две линии, — говорил Гагарин, сидевший за рулем, — И, к сожалению, они не пересекаются. Торн, исчезновение Серебрякова вблизи военного объекта, похищение рукописей Серебрякова — это одна линия. Вторая — вырезанный лист, Хромов, шифрованное объявление.

— Нельзя сказать, что эти линии не пересекаются, — возразил Славинский, — Лист, вырезанный Хромовым, и есть точка пересечения. Правда, пока непонятно, зачем ему понадобилось вырезать этот лист. Безобидная похвальба Штромберга, легенда, — вот, собственно, все, что там есть.

— Ты послал этот лист Косоурову? — перебил Гагарин, — Там на месте виднее.

— Послал копию, — ответил Славинский, — Они вчера закончили раскапывать подземный ход, вырытый Штромбергом, позднее завалившийся. Расчистили более тридцати метров — и ничего. Тупик. Дальше есть...

Фраза осталась незаконченной. Резкий свисток постового заставил Гагарина нажать на тормоз. Только сейчас Гагарин заметил, что машина проскочила на красный сигнал светофора.

— Проехали с шиком! — усмехнулся Славинский.

Гагарин огорченно развел руками.

Глава 9

Строев и Косоуров знали каждый камень старой цитадели, знали все ее закоулки. Не знали они только одного — как найти подземный ход. В конце концов, Ржевский снова начал сомневаться.

— Боюсь, что мы на ложном пути, — оговорился он за ужином, — У нас тоненькая цепочка умозаключений, и только. Если хотя бы одно звено ошибочно, все наши старания не приведут к цели.

Косоуров терпеливо повторял все доводы.

— Вспомните, Владислав Юрьевич, — заканчивал он, — что накануне исчезновения Серебряков рассказывал своим сотрудникам легенду о братьях-богатырях. Разве это случайность? И, наконец, в листе, вырезанном из статьи Штромберга, тоже была приведена легенда.

Строев не вмешивался в спор. Он был уверен в существовании подземного хода. Найти, найти во что бы то ни стало! Эта мысль не покидала его ни на минуту.

* * *

В субботу сотрудники экспедиции снова уехали в Батуми. Строев и Косоуров опять остались. Профессор поворчал, но тоже не уехал.

Ночью, когда Ржевский и Косоуров уже спали, Строев сидел у входа в палатку и вновь думал о неразгаданной тайне.

Что мог дать завтрашний день? Искать наугад явно не имело смысла. Оставалось одно — найти подземный ход путем логического анализа. Найти или вообще отказаться от поисков.

Луна вышла из облаков и плыла над башнями старой крепости. В лунном свете замок, разрушенный самым беспощадным врагом — временем, казался грозным и неприступным. Сейчас на башню выйдут братья-богатыри, затрубит серебряный рог... «Если бы я был строителем и защитником крепости, — думал Строев, — где бы я поместил вход в подземелье? Прежде всего, не внизу. Это слишком обычно и слишком далеко. Значит, скорее всего, в башне. И, опять-таки, не в нижнем этаже, а наверху, где никто не вздумает искать».

Закрыв глаза, Строев мысленно снова и снова поднимался по ступеням старых башен. Он потерял ощущение времени. Луна давно поднялась, свет ее из красноватого стал серебряным. Потом на востоке появилась красная полоска зари...

* * *

Утром, когда Ржевский вышел покурить, он увидел сидящего в легком дачном кресле Строева. На вопросительный взгляд профессора Строев поднялся, в раздумье проговорил:

— Подземный ход, о котором мы так много думаем, или вообще не существует, или он в бойницах башни.

Больше Строеву не пришлось объяснять. Ржевский давно обратил внимание, что бойницы — их было три в каждой башне — имели несколько большее сечение, чем в других крепостях, построенных в ту же эпоху. Мелкая деталь — она могла быть заметна только очень опытному археологу. Но и тогда она не вызывала никаких подозрений.

— Толщина стен в верхней части башни — четыре метра, — вслух рассуждал профессор, — Конечно, никому в голову не приходило залезать в бойницу. Правда, боковые и нижние стенки бойниц видны с лестниц. А вот верхняя...

— Там и должен быть вход, — подсказал Строев.

— Да, — согласился Ржевский, — Иначе он был бы замечен с лестницы. Кажется, вы правы. Давайте-ка будить Алексея Петровича.

...Первым к Центральной башне добежал Термоэлектричество, мчавшийся с таким видом, как будто он доподлинно знал, где именно начинается подземный ход.

Лучи восходящего солнца проникали в бойницы и облегчали осмотр их. Но ни в одной из трех бойниц Центральной башни вход обнаружить не удалось.

— Куда теперь? — спросил Косоуров, отряхивая пыль с костюма.

— На Северную, — ответил Строев, — Ближе.

У Строева была внутренняя уверенность, что подземный ход должен начинаться именно с Северной башни. Из трех башен старинной цитадели Северная была самой высокой.

Если поиски ведутся долго, находка, какая бы она ни была, кажется простой, обыденной. Лежа на спине, в одной из бойниц Северной башни, Строев увидел, что каменная плита над ним отделяется от других плит едва заметным зазором. Он нажал руками — плита, легко подалась, открывая вход в подземелье.

— Есть, — обычным голосом сказал Строев.

Грузному профессору пришлось снять пиджак: отверстие бойницы было очень узким. Термоэлектричество, оставшийся один на мрачной лестнице башни, поднял такой вой, что профессор, кряхтя, вернулся и втащил собаку в подземный ход.

Освещая карманным фонариком путь, Косоуров шел первым. Крутая лестница винтом вела вниз. Идти приходилось боком — тесный ход был устроен в стопе башни. Снизу тянуло сыростью, холодом.

Лестница окончилась. Фонарь Косоурова осветил широкий подземный ход.

— Я иду вперед, — отрывисто сказал майор, — вы — сзади, шагах в тридцати. Идите у самой стены. Здесь могут быть следы, их нужно сохранить.

Каждый звук, даже самый тихий, гулко отдавался в подземелье. Было слышно, как падают капли просачивающейся где-то подпочвенной воды.

Метров двести все шли молча. Потом Строев и Ржевский услышали, как майор что-то сказал и остановился. Они не спеша подошли к Косоурову. Майор стоял у большой ниши, сделанной в стене. Под каменными сводами ниши стояли четыре кованых сундука. Один из них был открыт. Рядом валялся сбитый замок. Но фонарик майора светил в другую сторону — здесь лежал покрытый плесенью и пылью пиджак.

— Боже мой, — дрожащим голосом проговорил Ржевский, — это же костюм Леонида Мироновича!

Он поднял пиджак и сейчас же выпустил его из рук: на сером материале чернели ржавые пятна засохшей крови.

— Ножом в спину, — тихо сказал майор.

Строев поднял ковер, лежащий в сундуке. Глаза у Ржевского заблестели.

— Рукописи! — воскликнул профессор и, развернув один из свитков, добавил: — Первая половина пятнадцатого века! Хорошо сохранился. Какая находка! Но... Леонид Миронович... Значит, здесь его и убили...

Термоэлектричество, притихший и, казалось, испуганный непривычной для него обстановкой подземелья, неожиданно завыл, и вой его — мрачный, унылый — заполнил всю подземную галерею. Строев нагнулся, чтобы поймать собаку и заставить ее замолчать, но она вдруг рванулась вглубь подземного хода. Окликнуть пса Строев не успел: шагах в сорока, там, куда убежал Термо, блеснул яркий огонь взрыва, и в лицо ударила тугая взрывная волна.

— Мина! — воскликнул Строев.

Давно уже затихло гулкое эхо взрыва, а Косоуров все еще стоял, напряженно прислушиваясь, и лицо его в электрическом свете фонарика казалось мертвенно бледным. Потом он облегченно вздохнул, и то, что он сказал, объяснило его спутникам подлинную меру опасности:

— Если подземный ход ведет к заводу и там заложена взрывчатка, эта мина могла быть соединена с основным зарядом. Тогда на воздух взлетел бы весь завод...

— Может быть, впереди люди? — спросил Строев.

Косоуров хотел что-то ответить, но Строев дернул его за рукав. Шаги! В тишине подземелья отчетливо слышались шаги. Но не впереди, откуда их можно было ожидать, а сзади, со стороны входа.

Майор потушил фонарик, втолкнул профессора в нишу. Косоуров и Строев, на всякий случай, вынули пистолеты. Шаги стали увереннее, ближе. Теперь можно было разобрать — шло несколько человек. Вспыхнул луч карманного фонаря — люди приближались. Строев почувствовал, как поднимается рука майора. И вдруг из темноты прозвучал спокойный голос генерала Славинского:

— Не вздумайте стрелять, майор.

Косоуров включил фонарик. Шагах в двадцати от ниши стояли Славинский и два офицера разведки.

— Нельзя было оставлять вход без охраны, — сказал Славинский майору.

— А как вы нас нашли? — с удивлением спросил Ржевский.

— Ну, это несложно, — усмехнулся генерал, — В палатке башни остался горячий чайник, значит, далеко вы не ушли. А на площадке башни лежит ваш пиджак. И, наконец, взрыв. Что произошло, майор?

— Собака подорвалась на mine, шагах в сорока впереди, — ответил Косоуров, — К счастью, мины не блокированы.

— Вторая ошибка, — упрекнул генерал, — нельзя рассчитывать на счастье.

— Посмотрите, что мы обнаружили, — голосом, дрожавшим от волнения, позвал Славинского профессор, — Это костюм Серебрякова.

Генерал молча осмотрел пиджак, разрезанный сзади ударом ножа.

— Теперь вперед, — заключил Ржевский.

— Ни в коем случае! — Твердо возразил генерал, — Ход может быть заминирован на всем протяжении. Вызовем саперов. Кроме того, нужно, на всякий случай, вывести людей с территории завода. А сейчас — назад!

* * *

Саперы выехали через два часа. Генерал был прав — подземный ход оказался заминированным почти на всем протяжении. Первая мина, на которой подорвалась собака, была заложена с наспех зарытым трупом

Серебрякова. В течение дня саперы обезвредили еще три десятка мин. Следом за саперами шел Ржевский. В подземном ходе хранились драгоценные для археолога вещи: старинное оружие, домашняя утварь, пергаментные рукописи тысячелетней давности.

К вечеру генерал и его спутники смогли пройти до конца подземного хода. Здесь в потолке были пробиты отверстия, в которых шли провода к забетонированному в стене пульта.

Генерал долго стоял в раздумье, потом коротко сообщил:

— Над нами завод!

— Но заряды невелики, — заметил Ржевский, — Разве они могут причинить серьезный вред?

— Они должны играть роль первого камешка, который вырастет потом в лавину, — ответил в тон ему Славинский, — Сверху резервуары с горючим и окислителем. Достаточно самого небольшого взрыва, чтобы вызвать катастрофу.

Строев, рассматривавший пульт, подозвал генерала:

— Аркадий Степанович, здесь радиоприемник с выведенной куда-то антенной.

— Я ожидал этого, — ответил генерал, — Нельзя же было держать тут человека. Где-нибудь, за тридевять земель, будет включен передатчик, радиоволны помчатся к антенне, приемник, настроенный на определенный шифр, включит реле, и тогда — взрыв.

— А если сейчас кто-то уже подходит к передатчику? — с волнением спросил Ржевский.

— Не беспокойтесь, Владислав Юрьевич, — улыбнулся генерал, — По-видимому, это, произойдет не так скоро. Человек, вырезавший в свое время лист из статьи Штромберга, несколько часов назад выехал сюда из Тбилиси. Надо полагать, едет он для проверки. Так сказать, генеральная инспекция. Взрыв может произойти только потом. А через час все это будет обезврежено.

— Еще один вопрос, Аркадий Степанович: почему они раньше не взорвали завод? Ведь все подготовлено.

Генерал подумал, подошел к пульта, ответил:

— Да, готово. Но, кроме взрыва, им, по-видимому, важен еще и политический резонанс. А через две недели — Октябрьский праздник.

Помолчав, генерал добавил:

— Мы отсоединим реле от детонаторов. Приемник будет работать по-прежнему. Проверим, когда и откуда поступят сигналы.

Глава 10

В многолетней практике генерала Славинского это был первый случай, когда диверсант, пойманный, в сущности, на месте преступления, вел себя так уверенно и спокойно. Лже-Хромов курил, откинувшись на спинку стула, небрежно закинув ногу за ногу. На лице его не отражалось ничего, кроме наслаждения хорошей папиросой. На Славинского он смотрел без малейшего волнения и, как казалось, даже с некоторым доброжелательством.

Славинский, прекрасно умеющий разбираться в людях, понимал — спокойствие это не наигранное, преступник явно на что-то рассчитывает. И среди многих возможных линий допроса генерал выбрал ту, которая в данном случае была самой верной.

— Давайте говорить откровенно, Хромов, — сказал Славинский, — Час назад вы пойманы в подземелье с поличным. Оружие ваше приобщено к вещественным доказательствам. Сейчас в нашем распоряжении

имеются все материалы для предъявления вам серьезного обвинения. Надеюсь, вы понимаете, что это значит?

— Вполне, господин генерал, — с улыбкой ответил лже-Хромов, — Шпионаж и намерение совершить диверсию. Квалификация точная.

— Кроме того, — продолжал Славинский, — вам грозит еще и обвинение в убийстве профессора Серебрякова.

— О, это уже лишнее!

— Возможно, — согласился генерал, — Поэтому в ваших же интересах содействовать скорейшему расследованию всех обстоятельств дела.

— В определенной мере я и собираюсь это сделать, — вставил лже-Хромов.

— Почему только — «в определенной мере»?

Генерал уже догадывался, на что рассчитывает диверсант.

— Все, что непосредственно касается моего дела, я вам выложу, — неторопливо, взвешивая каждое слово, начал лже-Хромов, — Это, действительно, в моих интересах. Зачем мне нужны лишние обвинения? А вот вторая часть моих показаний будет зависеть от вас. Я располагаю весьма важными для вас сведениями. Если я буду уверен в том, что мне не грозит расстрел, вы получите эти сведения.

Догадка Славинского оказалась правильной: диверсант собирался поторговаться.

— Хорошо, — спокойно ответил генерал, — Давайте начнем с первой части показаний.

— Я бы предпочел изложить их на бумаге собственноручно.

— Пожалуйста. Это ваше право. Но мне хотелось бы сейчас в общих чертах знать их сущность.

Лже-Хромов подумал, потом кивнул головой:

— Что ж, вкратце могу рассказать и сейчас. Вы, действительно, много знаете?

Вопрос был задан бестактно, но именно поэтому генерал понял — преступник будет говорить правду.

— Да, много. Например, то, что вы не Хромов. Знаем и об экспедиции фон Штромберга. Знаем даже дату, когда вы вырезали лист из журнала «Природа и люди» — девятого сентября прошлого года. Достаточно?

— Да, кое в чем вы осведомлены неплохо.

Диверсант закурил новую папиросу и начал рассказ:

— Моя настоящая фамилия Штромберг. Юлий Карлович Штромберг. Экспедиция в Аджарию была организована моим отцом, любителем археологии. Я не буду сейчас говорить, как именно ему удалось найти подземелье. Достаточно сказать, что на это ушло семь лет. К сожалению, никаких ценностей отец взять не успел: в Грузии была установлена Советская власть. С риском для жизни он успел в последний раз пробраться в крепость и замуровать вход в подземелье.

Штромберг помолчал, как бы вспоминая, потом продолжил:

— Потянулись годы ожидания. Отец бедствовал, но терпеливо ждал, что в России будут восстановлены старые порядки. А годы шли. Я родился уже в эмиграции, в маленьком американском городке Гримсби. Из последних средств отец устроил меня в Нордхоффский университет. В день моего совершеннолетия он раскрыл мне тайну подземелья. Отец рассчитывал, что немцы победят в войне, и когда советские войска вступили в Берлин, тяжело заболел. Ему уже не суждено было поправиться. Тяжелое нервное

расстройство перешло в помешательство — отец умер в больнице. Я не спал ночами, мысли не давали покоя: в подземелье лежали ценности на миллионы долларов, а я должен был экономить каждый цент... Одному мне было не добраться до сокровищ; я начал искать компаньонов. Меня познакомили с одним господином. Потом я узнал, что это был руководитель разведывательного центра. Три года назад подводная лодка высадила меня на побережье Аджарии...

Лже-Хромов закурил новую папиросу, затянулся, спокойно продолжил:

— Вблизи крепости оказался лагерь археологов. Пришлось пробраться туда ночью. Мы — со мной были три американца — отыскивали замурованный вход, открыли его и проникли в подземелье. Меня интересовали только сокровища, но руководитель разведывательного центра поставил условие: я должен помочь подготовить взрыв завода, построенного над подземным ходом. Три недели мы бурили шпур, закладывали взрывчатку. Однажды мои спутники натолкнулись в подземелье на постороннего человека и убили его. По документам я узнал, что это был профессор Серебряков. Мы понимали, что наверху ведутся поиски, больше недели отсиживались в подземелье. Потом американцев забрала подводная лодка, а я — с документами Хромова — направился в Москву. По договоренности с разведкой я должен был жить в России до взрыва завода. Мы условились, что, увидев сигнал — объявление в одной из витрин «Мосгорсправки», — я выеду в Аджарию и помогу перегрузить на подводную лодку ценности из подземелья. Объявление появилось три дня назад и содержало указание, что взрыв намечен на седьмое ноября.

— Зачем вы выкрали рукописи Серебрякова у Майсурадзе? — спросил генерал.

— Я опасался, что в них могло быть упоминание о подземном ходе. С этой же целью я вырезал лист из старой статьи отца. Там приводилась легенда, которая могла выявить, какую именно цель преследовала экспедиция.

— Когда должна прибыть подводная лодка?

— В ночь на шестое ноября, после того как я, убедившись, что все в порядке, дам объявление в справочной витрине на Плехановском проспекте в Тбилиси.

— Текст объявления?

— «Срочно продается хорошо сохранившийся комод красного дерева... Звонить по телефону 3-54-12».

— Вы понимаете, насколько усугубит вашу вину попытка дать неправильные показания?

Штромберг бросил потухшую папиросу в пепельницу, кивнул головой:

— Все, что я сказал, — абсолютно точно.

— Хорошо. Теперь вторая часть показаний.

Штромберг улыбнулся.

— О, господин генерал! Мы пока еще не договорились. Мне нужна полная гарантия того, что я останусь жив. Только тогда...

Славинский помедлил, потом нанес хорошо рассчитанный удар.

— Ну что ж, обойдемся и без этих показаний. Все, что вы можете сказать о бывшем профессоре Нордхоффского университета Уолтере Торне, мы уже знаем.

Удар попал в цель. Штромберг вздрогнул, чуть заметно побледнел, удивленно глянул на Славинского.

— Сядьте, Штромберг, — приказал генерал, — Как видите, торг не состоялся.

Штромберг сел.

— Вы не можете знать всего. Только мне известно, где хранятся фотографии Торна...

— Слушайте, Штромберг, — голос генерала вдруг зазвучал в полную силу, — Если вы хотите смягчить свою вину, — сами, без всяких оговорок, расскажите, что вы знаете о Торне. Вот так.

Взгляд Штромберга встретился со взглядом генерала. Несколько секунд оба молчали, потом Штромберг отвел глаза и нерешительно сказал:

— Мне надо подумать...

Генерал нажал кнопку звонка.

— Хорошо, подумайте!..

Эпилог

В полдень седьмого ноября к «складу номер четыреста семьдесят два» подъехала машина. Скрытый в стене телепередатчик выхватил и перенес на экран в кабинете Торна лицо высокого гостя. Торн поспешил навстречу и встретил гостя у лифта.

— Рад видеть вас, генерал, — пожимая протянутую руку, сказал Торн.

От него не укрылось то возбужденное настроение, в котором находился высокий гость. И когда дверь кабинета плотно закрылась, Торн спросил:

— Начинается?

Генерал покачал головой.

— К сожалению, еще нет. Для войны сейчас неподходящий момент. Но вашу операцию мы проведем — решено ее не откладывать. Действуйте, Торн.

— У меня все готово. Неделю назад мой агент из Тбилиси радировал, что Штромберг вывесил в установленном месте объявление. Это значит, что все подготовлено к взрыву, и Штромберг ждет подводную лодку.

— Лодка выслана?

— Нет. Я не хочу вывозить Штромберга из России — он еще пригодится. Что касается антикварного старья в подземелье, то оно меня несколько не интересует.

— Отлично. Не пора ли начать?

Торн посмотрел на часы.

— Сейчас в заводском клубе что-нибудь вроде праздничного бала. Пожалуй, самое время.

Он подошел к холодильнику, вынул высокую бутылку с серебряной наклейкой, наполнил хрустальные бокалы. Потом неуловимым движением открыл сейф — средний из трех — и взялся за ключ радиопередатчика.

Когда все было кончено, Торн, сияющий, поднял бокал. В тишине кабинета раздался мелодичный звон хрусталя...

* * *

Радиоволны не знают пограничных столбов и, сорвавшись с антенны, они через сотую долю секунды уже летели над просторами нашей Родины, врываясь в трансляцию праздничных концертов, перебивая торжественные голоса дикторов. Радиослушатели, случайно поймавшие эти сигналы, досадливо морщились. Но четыре буквы предназначались не для них.

Шифрованный сигнал коснулся острого жала выведенной в скалах и тщательно замаскированной штыревой антенны. Укрытый в старинном подземелье, приемник, равнодушный к музыке и голосам, отозвался на шифр, замкнул контакт, слабый ток поступил к реле и оттуда — усиленный — рванулся к детонаторам. Но детонаторов уже не было. А вместо взрыва в просторной комнате одного из батумских зданий раздался самый обыкновенный телефонный звонок. И голос — тоже спокойный и обыкновенный — произнес:

— Товарищ генерал, сигналы поступили две минуты назад. Переданы четыре буквы: эс-ка-эр-де...

* * *

...Утром десятого ноября над лагерем археологов появился двухмоторный самолет. Он сделал круг над палатками. Строеву, сидевшему у окна кабины, казалось, что он даже разглядел лицо профессора Ржевского.

Спустя несколько минут самолет уже летел над огромным заводом. Славинский, Строев и Косоуров молча смотрели, как внизу мелькали ажурные контуры крекинг-установок, серебристые круги резервуаров, тонкая паутина нефтепроводов.

Завод работал. Самолет приветственно покачал крыльями и взял курс на Москву.

Взято из Флибусты, <http://flibusta.net/b/714095>